

Вероника Емцова

Ключ между мирами

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Вероника Емцова

Ключ между мирами

<https://litres.ru/73940723>

SelfPub; 2026

Аннотация

После трагической гибели лучшей подруги Розали Хьюз, Грейс Филлипс погружается в пучину вины и горя. Каждую ночь её мучает один и тот же кошмар. А пробуждения оставляют физические следы - царапины и синяки, - словно грань между сном и реальностью истончается с каждым разом. Грейс боится засыпать: вдруг однажды она не проснётся или окажется запертой в мире своих кошмаров навсегда.

Её младшая сестра Джейн изо всех сил пытается помочь, сестре вернуться к жизни - уговаривает поговорить, отвлечься, выйти на прогулку. Но всё меняется, когда в судьбе героини появляется загадочный Генри Харрис - парень с татуировками в виде древних символов. Он знает, больше чем говорит, а цепочка с ключиком что носит, Грейс не просто украшение, а проводник между мирами.

Перед Грейс встаёт выбор: сдаться под натиском страха и позволить тьме поглотить себя - или вступить в борьбу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	53
Глава 6	69
Глава 7	86
Глава 8	109
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Вероника Емцова

Ключ между мирами

Глава 1

"Грейс"

Туннель сжимал меня своей сырой тьмой, словно чьи-то невидимые пальцы впивались в плечи. Дверь в конце пути манила ржавым скрипом, подойдя, ближе я коснулась, её ладонью. Холодная, скользкая ото мха поверхность заставила меня вздрогнуть - мурашки побежали по спине, будто тысячи паучьих лапок. Я машинально вытерла руку о кофту, оставив грязный отпечаток, словно кляксу страха. И тут мой взгляд упал вниз. Алая лужа ползла из-под порога, медленно обвивая мои тапочки. Кровь. Её металлический запах ударил в нос, а ноги будто вросли в каменный пол. Сердце колотилось так громко, что заглушало собственное дыхание. Рука сама потянулась к ручке - ледяной, неровной, будто вылитой из кошмаров. Неожиданно чей-то голос просочился сквозь стены, шепотом рассекая тишину.

- «Ты точно в этом уверена?»

Мороз пробежал по шее, заставив сглотнуть ком в горле. Это был её голос. Тот самый, что звучал в ночных кошмарах.

Дверь скрипнула, открыв адскую картину: операционный стол, слепящий свет ламп, и она. Розали. Её лицо - бледное полотно с синевой под глазами, а в виске - та самая рваная рана, как в полицейских фотоотчётах. Пальцы мертвеца дрогнули, сковывая меня ледяным взглядом.

- «П-помоги»

Её губы не шевелились, но слова звенели в височной кости, как гвозди. Ноги двинулись сами, будто куклы на нитках. Шаг. Ещё шаг. Рука протянулась к её ладони, синей от трупных пятен

Пол вздрогнул.

Доски закрипели, как кости старика, и вдруг - провал. Я падала в бездну, крик застрял в горле колючим клубком. Темнота поглотила последний вздох, унося в тишину, густую как смола.

Я вырвалась из сна, как утопающий на последнем вздохе. Воздух жёг лёгкие, а в руке пульсировала боль - будто кто-то вонзил под кожу раскалённый гвоздь. Рука дрожала, когда я приподняла мятый рукав кофты. На коже царапины, от досок на которых я стояла в моём кошмаре. Неужели следы просачиваются сквозь сны? Пальцы вцепились в кулон на шее - крохотный серебряный ключик в бушующем море реальности. Но даже холод металла не заглушал вкус крови на губах. Сны. Они теперь оставляли шрамы не только в памяти. Каждую ночь граница таяла: одеяло становилось саваном, тиканье часов - шагами за спиной, а пробуждение всё

больше походило на удушье.

Взгляд упал на циферблат. 01:17. Всего тридцать минут сна - и я будто пробежала марафон. На тумбочке лежали таблетки. Обманки. Врач клялся, что они «блокируют тревожные сны», но вместо этого сны стали липкими, как смола. В них теперь можно утонуть. Вчера проснулась с синяком на ключице, сегодня - с кровавой царапиной. А завтра?

Я прижала ладони к вискам, пытаюсь выдавить из головы шепот Розали. «Помоги» - её голос звенел в ушах даже сейчас, смешиваясь со стуком сердца. Что, если однажды я услышу это в полной тишине? Не во сне. Не при пробуждении. А здесь, среди этих серых обоев, впитавших тысячи моих криков?

За окном завыл ветер, и я вдруг поняла - боюсь закрыть глаза. Боюсь, что когда в следующий раз усну, я уже не проснусь. Встав с кровати, ноги сами понесли меня сквозь полумрак, будто боялись разбудить тишину. По пути на кухню я заглянула в дверной проём комнаты сестры и замерла - её грудь размеренно вздымалась, а на губах играл полумесяц улыбки. Казалось, даже тени на стене танцуют вальс вокруг этой безмятежности. Мои пальцы непроизвольно сжали косяк. Хоть ты можешь спокойно спать, - прошептали губы, отражая улыбку, которой не чувствовало сердце.

Спустившись со второго этажа на первый в кухню, я приготовила кофе. Кофе пахло горьким укором. Я втягивала этот аромат, и, забравшись на подоконник с ноутбуком, я от-

крыла окно, выпуская воздух в окно. Сидя на подоконнике, где стёкла леденили бёдра сквозь тонкую пижаму. Открыв ноутбук, он раскрылся со щелчком, похожим на взвод курка.

Там - она.

Фотография вспорола память, как скальпель - старый шов. Тот день на пляже: наши мокрые от солёных брызг волосы, её смех, перекрывающий рокот прибоя, моя рука на её талии. Теперь это снимок-призрак. Он выжег во мне кратеры: там, где были планы - пепел, где мечты - выжженная пустошь. Пальцы дрожали, листая кадры прошлого - каждый клик мыши отдавался болью под рёбрами. Время пролетело быстро, на панели задач показывал, уже семь утра. А я, так и не притронувшись к кофе, смотрела, как просыпается город.

Май выдыхал в окно звенящей росой и дыханием земли, прогретой за ночь. Я прильнула к стеклу, чувствуя, как его холод прожигает кожу - словно пытается стереть следы бессонницы. Город поднимался из тумана, как призрак: крыши медленно обнажали черепицу, фонари гасли один за другим, будто нехотя отпуская ночь. Экран ноутбука дрожал в полутьме. Роза застыла в прыжке - волосы цвета темной ночи взметнулись навстречу ветру, глаза смеялись синевой, украденной у июльского неба. «Прыгни!» - кричала она тогда, протягивая руку. Но я осталась на камнях, боясь разрушить идеальный кадр. Теперь понимаю: это был последний кадр нашей общей истории. Спустя час, и моего бессмысленного существования, я и не заметила, как за окном туман окон-

чательно рассеялся. Где-то там, за горизонтом, плескались те самые чёрные волны - те, что не танцуют под солнцем, а медленно, как ртуть, заполняют пустоту. Они уже унесли её смех, её «семейные» шутки про сестёр-подкидышей. Оставили только этот снимок - цифровую эпитафию на экране, что мерцает, как заблудившаяся звезда.

Я прикрыла веки, впуская утро внутрь. Тепло скользило по щекам, но внутри всё ещё звенел лёд. Май. Он пахнет морем и предательством.

- Доброе утро - голос сестры дрогнул, а я дернулась от неожиданности.

Она стояла в проеме, словно боясь нарушить хрупкую тишину моих воспоминаний. Подойдя ближе, обняла так, будто пыталась собрать осколки. На экране мелькнула дата: ровно полгода. Шесть месяцев с тех пор, как жизнь, Розы оборвалась на повороте, оставив в моей - трещину, что расширялась с каждым днём.

- Доброе - я закусила губу, соляная горечь и металлический привкус расползались по горлу. Джейн аккуратно закрыла крышку ноутбука, забирая его у меня. Крышка хлопнулась с тихим щелчком, похожим на последний вздох. Синий отсвет экрана угас медленно, словно закат за пеленой дыма. Джейн положила устройство, на стол. Её взгляд впился в меня сквозь тягучую тишину. Пальцы застучали по столу ритмом дождя по жестяной крыше - нервная симфония, которую я узнавала с первых нот. Каждый удар отзывался

в висках. Я прильнула к прохладному стеклу, вдыхая майский воздух до головокружения. Аромат цветущих деревьев окутывал сознание, но мысли оставались острыми, как грани кристалла. За окном ветер рисовал узоры из пыли, а в комнате время сгущалось, как застывший мёд

- Грейс - её губы дрогнули. Но остальные слова повисли в воздухе, запутавшись в нерешительности. Я сжала подоконник так, что костяшки побелели - будто пыталась удержать равновесие между этим молчанием и тем, что должно было грянуть. - Ты опять не спала? - её пальцы обвили мою чашку, где кофе застыл чёрным зеркалом, отражая утренний свет. Капли конденсата на стекле походили на слезы. - Грейс Ты растворяешься. Работа, эти ночные бдения у окна. Ты даже не замечаешь, как наступает весна.

В её голосе звенело что-то острое - боль или злость. Я отвернулась к окну, где первые лучи солнца выписывали на стене узор из теней, похожий на следы дождя. Я чувствовала, как внутри всё сжимается от боли. Сны, в которых я каждую ночь погружаюсь во тьму, стали моей реальностью. Но я не могла рассказать ей об этом. Боялась, что она не поймёт. Боялась, что это сделает её боль ещё сильнее. Она видела, что я ни как не реагирую на её слова и чуть тише прошептала:

- Я не хочу терять и тебя, - Джейн схватила мою руку, и её ногти впились в кожу. - Роза она бы ненавидела это. Твой бесконечный траур, эти стопки распечатанных полицейских отчётов. Ты хоронишь себя заживо! Молчание повисло тя-

жёлтым пологом. За окном запел дрозд - тот самый, что будил нас в детстве. Джейн вздохнула, провела ладонью по моим спутанным волосам:

- Хочешь, поедem туда? К тому повороту? Может, это....

- Нет! - вырвалось резко, чем я хотела. Тень промелькнула за окном - просто птица. Там ничего нет. Только. Только её духи в воздухе. Только отпечаток ладони на ограждении. Только я, стоящая на краю и знающая, что шагнула бы следом. Я встала, и подоконник закрипел, будто старый корабль. В зеркале мелькнуло моё отражение - бледное, с фиолетовыми тенями под глазами. Призрак.

- Я посплю, - прошептала, уже отворачиваясь.

- Грейс.... - Джейн тяжело вздохнула.

Но я уже направлялась в комнату, поднявшись, она дышала затхлой лавандовой грустью - аромат выцвел, как старые обои, но всё ещё цеплялся за углы. Я рухнула на кровать, вжавшись щекой в холст подушки. Там, меж нитями, прятались крохи её запаха: ванильная нежность, перебитая ледяной мятой. Сон накатил внезапно, словно волна, утягивая в тот проклятый день. Хлопок дверцы. Её смех, звонкий, как разбитый хрусталь.

Мои губы, сжатые в нить: «*Осторожнее*» - фраза, застрявшая в горле навсегда. Проснувшись от собственного вздоха - резкого, как удар хлыста. Пальцы сами потянулись к ключику на шее, холодному от ночного воздуха. Я крутила его, будто пытаясь вскрыть дверь в параллельный мир, где её шаги

ещё отдаются в прихожей. Металл впился в ладонь, оставив алый отпечаток. В дрожащей глади мелькнул отсвет: её улыбка, вплетённая в облака. Или это просто ветер дёрнул ветку, разрывая хрупкую иллюзию? Время восемь, всего лишь пятнадцать минут сна. Я прикрыла глаза, прижав к груди кулак с ключом. Сердце стучало в такт каплям, бившим по карнизу. Час. Мне нужен всего час покоя. Но даже в забытьи знала: сны вернут её. Снова и снова. Пока небо в луже не почернеет от слёз, а ключ не превратится в ржавую пыль на ладони.

Глава 2

«Грейс»

Не заметила, как пролетела ещё одна неделя - время будто ускорилося, оставив меня позади. Ночи стали испытанием: я словно блуждала в бесконечном лабиринте, где каждый поворот уводил всё дальше от выхода. С каждым шагом вера в спасение ослабевала, а ощущение безысходности нарастало.

Пробуждение приносило не облегчение, а новые следы на коже - синяки, порезы. Они возникали, будто напоминание: «Ты здесь была. Ты не просто спала».

В одиночестве ванной комнаты, прижавшись к прохладной плитке, я осматривала эти шрамы. Дрожащими пальцами наносила мазь и в которых каждый раз задавалась вопросом: *«Сколько ещё это продлится?»*

В отражении была- девушка, потерявшая себя. Её потухший взгляд говорил больше слов: она не знала, как найти дорогу обратно - к свету, к надежде, к себе прежней.

Сестра каждый день смотрела на меня с тревогой и печалью в глазах, но я лишь отмалчивалась и отмахивалась - не хотела слышать то, что и так знала наизусть.

Рассказать ей правду? Или обратиться к врачам? Я не могла. Страх оказался сильнее. Я боялась белых халатов больше, чем ночных кошмаров. Боялась, что мою боль превратят в сухие клинические термины, заточат в клетку с мягкими

стенами, где свет горит даже ночью, а в венах вместо крови потечёт река из таблеток. После этого не останется места ни страху, ни надежде - только стерильная пустота. Иногда искушение подкрадывалось незаметно - с запахом дешёвого виски и порошков, обещающих забвение. Оно манило, словно тихий шёпот: *«Забудь. Отпусти. Просто усни»*. Но я знала - это ловушка. Как мотылёк, прилипший к смоле: чем сильнее бьёшься, тем глубже погружаешься.

А сны.... О, они бы расцвели в этом опьянении ядовитыми орхидеями - с лепестками цвета сумерек и корнями, прорастающими прямо в мозг. Они опутывали бы мысли, лишая воли, превращая реальность в бесконечный кошмар.

Я сжимала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль - настоящая, физическая - напоминала, что я ещё здесь, что я ещё держусь. И пока я чувствую эту боль, пока я помню, *что* со мной происходит, - я не сдамся. Не позволю тьме победить. В тишине комнаты я застыла перед открытым шкафом. Каждая вещь здесь хранила её запах - едва уловимый шлейф духов с нотами жасмина и бергамота, который теперь казался призрачным отголоском былого. Пальцы скользили по вешалкам, касаясь тканей - мягкого кашемира, тонкого льна, - словно пытаюсь уловить эхо её присутствия, поймать хоть искру тепла, что когда - то исходила от этих вещей.

Слова Джейн, произнесённые на прошлой неделе, до сих пор звенели в ушах острой болью, врезааясь в сознание, как

лезвие: «Я не хочу терять и тебя». Они вонзились в сердце раскалённым клинком, заставляя признать горькую правду - пора выбираться из этого бесконечного траура, хотя бы ради сестры. Потому что Роза бы этого не хотела. Она всегда говорила: «Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на слёзы». Но почему - то я была уверена: она так же бы страдала по мне. Ведь у неё не было ближе людей, кроме нас.

Её жизнь и правда была чередой потерь. Родители погибли в аварии, когда Роза была совсем маленькой. Бабушка с дедушкой, которые растили её с десяти до девятнадцати лет, погибли при пожаре. Каждый раз судьба будто проверяла её на прочность. Но Роза не сломалась. Она приехала в этот город с надеждой - полный планов, мечтаний, веры в лучшее. Хотела начать всё заново: найти работу, снять квартиру, завести друзей. В свои двадцать четыре года она только начинала жить - но, жизнь обошлась с ней жестоко и прожить так мало и слишком мало для такой судьбы. А потом машина сорвалась в пропасть. Не справилась с управлением на скользкой дороге, повторив роковой путь родителей. Время раскололось на "до" и "после".

Когда туда приехали медики и полиция, я увидела её тело. Это было невыносимо. Картинки в голове всплывали, как ужасные сцены фильма: искорёженный металл, разбитое стекло, неподвижная фигура под белой тканью. Я зажмурилась, но образы уже въелись в память - они возвращались каждую ночь, смешиваясь с комарами, становясь частью. Я

провела рукой по свитеру, который Роза однажды одолжила мне. Ткань ещё хранила тепло её рук. «Прости» - прошептала я в пустоту.

– «Я постараюсь быть сильнее. Ради нас обеих»:

-Нет!!! Этого не может быть!!! – Я захлебывалась слезами прорываясь сквозь полицию и мед персонала, которые кричали, чтобы я не подходила. Но я не слышала. Мой разум был затуманен, кровь пульсировала в висках. Подбежав, и подойдя ближе я, увидела, её, в моей голове мелькали мысли «Что это не она и они обозначились» Но девушка медик поднимая руку и немного отодвинув пропитанную кровью футболку, подтвердила то, чего я боялась больше всего, Что это окажется правдой.

*Её татуировка, что была на запястье это ворон, а на груди новая татуировка, что она сделала не так давно. Но посмотрев на девушку **патологоанатомом**, которая хотела закрыть черный мешок, печально посмотрела на меня, и, кивнув, отошла, дав пару минут попрощаться. С моих глаз текли слезы, которые я не замечала, набрав в легкие воздуха и протягивая свою трясущую руку к её правому плечу, от чего меня передернуло и, набравшись смелости немного повернув к себе её плечо, я увидела татуировку звезды и вьющиеся вокруг неё ветви деревьев и лепестки цветов. Роза так и не объяснила, что она означает. Меня ошпарило, как кипятком откинув, назад, врач подбежал, ко мне лоя, и попытался говорить со мной, но перед глазами всё стано-*

вилось черным.

А я лишь шептала «НЕТ, ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ»!

После того дня мир словно застыл. Еда потеряла вкус, а сон превратился в бесконечный кошмар, где её лицо преследовало меня в каждой тени. Закрывая глаза, я видела не звёзды – а, лишь осколки её разбитой жизни, застывшие в моих зрачках. Так же практически раз в неделю на протяжении двух месяцев следователи приходили один за другим, их вопросы впивались в мозг ржавыми крючьями. *«Помните ли вы», «Можете ли описать»* - их голоса доносились, будто из-под толщи воды. Джейн, видя моё состояние, настояла на визите к врачу. Но, я каждый день придумывала, как сбежать, но в один прекрасный день Джейн настояла сильнее обычного:

«-Если ты сейчас не поднимешь свою задницу, Грейси, то я приглашу сюда санитаров, и они не будут плясать перед тобой, и поверь, мне я это сделаю, можешь не сомневаться».

Так что вот таким образом она запихала меня в кабинет психолога, где время текло иначе как - тягуче и липко. Таблетки, выписанные доктором, оставляли во рту металлический привкус отчаяния. Они не помогали - лишь размывали реальность до состояния грязной воды. Каждый вечер я глотала их, давясь тошнотой, а ночью всё начиналось заново. Кошмар за кошмаром. Так же после той аварии мир начал трескаться по швам. Видения, от которых кровь стыла в

жилах, становились всё ярче. Они были реальнее самой реальности, острее любого кошмара. Сестре я лгала, глядя ей в глаза - «*Таблетки помогают*», - шептала я, чувствуя, как ложь оседает на языке горечью. Помню, что пару раз видела молодого человека своей сестры, но образ не удержался в моей голове, а голос да. Он что-то шептал и успокаивал и меня и её. И видимо моей сестре помогало, но мне нет. Так что да, жизнь сыграла, так как хотела, злюсь ли я? Хотелось сказать бы да, но нет. Просто так не справедливо, что в таком юном возрасте, жизнь обрывается в одночасье.

Мой взгляд скользнул к нижней полке, где среди вещей притаилась старая коробочка. Сверху, словно стража воспоминаний, стояли те самые серебристые туфли - изящные, будто созданные для сказочной принцессы. Они напоминали мне туфельки Золушки, и сейчас, глядя на них, я задумалась: зачем купила их тогда? Может, пришло время найти повод, чтобы снова надеть их?

Сев на свои колени, я осторожно отложила туфли в сторону, и достала коробочку. Когда пальцы коснулись крышки, сердце забило чаще. Открыв её, я словно распахнула дверь в прошлое - воспоминания хлынули потоком, словно весенний ливень, размывающий границы между прошлым и настоящим. Внутри хранились осколки нашей с Розой жизни: пожелтевшие билеты в кино, где мы смеялись до слёз; смешные открытки, которые мы отправляли друг другу; тонкая

ленточка от её любимого платья, пахнувшая лавандой. Каждый предмет рассказывал свою историю, каждая мелочь была пропитана её присутствием. Я задержала дыхание, пытаюсь сдержать подступающие слёзы. Пальцы дрожали, перебирая эти реликвии, пока я не заставила себя закрыть крышку. Коробка вернулась на место, а я, опустив голову, издала тяжёлый вздох - звук, в котором смешались боль утраты и нежность воспоминаний.

Но услышав шаги, я повернула голову и посмотрела в глаза сестры. Джейн улыбнулась мне, тихо входя в мою комнату и поставив на стол кружку с мятным чаем - её способ сказать: «Я с тобой». Слова сестры наконец-то начали проникать в моё оцепеневшее сознание. Она права - Роза бы не хотела видеть меня такой. Она бы уже давно отругала меня за это состояние. Она медленно села рядом со мной посмотрев на туфли, обняла меня за плечи.

- Знаешь, а он играет на пианино, - неожиданно произнесла Джейн, её пальцы нежно скользили по серебристой туфельке, словно по клавишам. - Как Роза в тот вечер помнишь? - Она подняла глаза, в которых отражалась боль воспоминаний, и указала на обувь. - Эти туфли мы купили именно тогда. Помнишь, как ты не смогла долго в них ходить и скинула, оставшись босиком? Роза тогда смеялась, говорила, что была права - их нужно разносить сначала. А ты упрямо твердила своё. - Я вздрогнула, будто меня ударило током. В памяти вспыхнул тот новогодний бал - картина, застывшая в

вечности. Роза её чёрные волосы струились по плечам шёлковой рекой, а глаза - два осколка зимнего неба - заставляли замирать сердца всех, кто смотрел на неё. Когда она импровизировала с джаз-бэндом, время словно останавливалось, превращаясь в музыку. Её смех, он до сих пор звучит в моих снах, чистый и звонкий, как колокольчик. В тот вечер она была воплощением грации и таланта, её пальцы летали над клавишами, создавая волшебство, которое невозможно повторить. И эти туфли они были частью того вечера, частью её истории.

- Пригласи его, - произнесла я громче, чем намеревалась, и звук собственного голоса эхом отразился от стен.

Джейн замерла, её взгляд впился в мои глаза, словно пытаясь прочесть затаившуюся там правду.

- Ты уверена? - спросила она, и в её голосе проскользнула тень улыбки.

- Да, - ответила я твёрдо, вытирая слёзы. - Хватит прятаться в тени. Помнишь, как он помогал нам? Я не могу вспомнить его лицо, только голос, но он был добрым. Пора бы и познакомиться. И знаешь что? Я хочу есть. Давай что-нибудь приготовим.

Её улыбка расцвела, ярче, чем когда-либо прежде. Джейн, наверное, решила, что таблетки наконец-то начали действовать, что раны постепенно затягиваются. Если бы она только знала

- Хорошо, - кивнула она. - Пойдём.

Спускаясь вниз, мы направились готовить ужин. Джейн включила музыку - ту самую, что когда-то объединяла нас троих. Мелодия лилась по кухне, наполняя пространство призраками прошлого. Мы работали в молчании, и слова были не нужны - сёстры понимают друг друга без слов. Сегодня на нашем столе появились фаршированные артишоки - любимое блюдо Розы. Каждый жест, каждое движение превращалось в молчаливый ритуал памяти. Когда я резала лук, слёзы навернулись на глаза, но они были не от острого сока - они были от воспоминаний. Отгоняя тяжёлые мысли, я продолжала готовить вместе с сестрой, стараясь удержать хрупкое ощущение нормальности этого момента. Приготовив ужин, мы покушали, а после разошлись по своим комнатам. Джейн отправилась к себе, а я - в душ. Наши *«спокойной ночи»* повисли в воздухе невесомым обещанием, которое, как я знала, не сбудется, ну для меня это уж точно.

Тёплые струи воды стекали по телу, но не могли смыть тяжесть в душе. Выйдя из душа, я скользнула под новое постельное бельё - чужое, без запаха прошлого, которое сегодня утром постелила, избавившись от воспоминаний прошлого. Это бельё привезённое мамой из их путешествий с папой, теперь пылились не в шкафу, а были моим оберегом, на удачную ночь.

В комнате царил полумрак. Я лежала, глядя в потолок, стараясь ни о чем не думать. Сегодня я потратила на маркетплейсе целое состояние на новое бельё, безделушки - всё

ради того, чтобы заполнить пустоту, вытеснить все воспоминания. Пальцы машинально разглаживали ткань новой наволочки. Часы тикали, отсчитывая секунды до неизбежного - момента, когда закрою глаза. Страх сковывал сердце ледяными тисками. Но я заставила себя погрузиться во тьму, надеясь, что сон станет спасением. Однако видения ждали меня там, за гранью сознания. Они, как хищники, чуяли мою слабость и готовились наброситься. Эта ночь обещала быть бесконечной - длинной, как все дороги, ведущие никуда. И я знала: каждая ночь будет, такой пока я не сойду, с ума.

Глава 3

"Грейс"

После очередного сегодняшнего утра я впервые за долгое время почувствовала себя живой. Выйти на улицу оказалось настоящим подарком - впервые с похорон Розали, позволила себе вдохнуть свежий майский воздух. Конец мая радовал теплом, а впереди уже маячил июнь - будто обещание чего-то нового. Мир вдруг перестал казаться таким мрачным, словно сквозь тучи пробился робкий луч солнца. Но это робкое чувство тут же разбилось о реальность.

Поднимаясь по крыльцу, я встретила множество знакомых. Они улыбались, кивали, но в груди не шевельнулось ни капли радости. За последние полгода никто из них ни разу не вспомнил обо мне - не спросил, как я.

Я шла по белому коридору больницы, который тянулся вперёд, а мои мысли метались, у меня в голове. Сначала вспомнилось сегодняшнее утро - долгие минуты обработки ран, когда боль уже почти перестала ощущаться, став частью привычного фона. Потом всплыли слова, данные сестре: обещание выбраться из пучины самоистязания и вернуться к работе - к нормальной жизни.

Но, так же я не забывала слушать, что говорила рядом шагающая однокурсница. Её речь лилась непрерывным потоком - она успела рассказать почти обо всём на свете, но

- Слушай, помнишь нашу одногруппницу, что ушла на последнем курсе, прямо за три месяца до конца всей нашей учёбы? Ты не поверишь, что с ней приключилось и....

- Карин, - я перебила её, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрогнул, - у меня болит голова. Может, в следующий раз расскажешь? Сейчас мне действительно нужно идти.

Я знала, что она не обидится - Карин всегда была неисправимой болтушкой, готовой делиться новостями с любым, кто готов слушать. Но после смерти подруги мир вокруг изменился. Люди стали казаться далёкими теньями: ни я им не была нужна, ни они мне. Не дожидаясь ответа, я бросилась прочь - прочь от её слов, от её взгляда, от всего, что напоминало о старой жизни. Я бежала так быстро, что не заметила парня впереди - и врезалась в него с размаху. Он отреагировал мгновенно: сильные руки схватили меня за талию, удержав от падения. Но моя стопка бумаг - те самые документы для главврача, которые я раскладывала с такой тщательностью целых двадцать минут, - разлетелась по полу. Листы кружились в воздухе, как белые бабочки, а потом опали, рассыпавшись по плиткам коридора.

- Осторожнее - его голос прозвучал чуть грубовато, но в нём угадывалась забота.

Я подняла голову - и замерла. Парень передо мной был просто потрясающим. Высокий, с пронзительным взглядом и лёгкой тенью улыбки на губах. Время будто остановилось

на мгновение.

- Ты в порядке? - спросил он, и в его глазах читалось искреннее беспокойство. А я всё ещё молча смотрела на него, не в силах отвести взгляд.

- Эм. Да, всё хорошо, - наконец улыбнулась я. - Извини, что сшибла тебя - слова, путались, я никак не могла собраться с мыслями.

- Ты бежала от Карин? - с улыбкой уточнил он.

- Да, - я рассмеялась, чувствуя, как неловкость отступает. - У неё накопилось столько историй за эти полгода, что мой мозг пока не готов усвоить столько информации сразу.

Я опустила на корточки, чтобы собрать разлетевшиеся бумаги. Парень тут же присоединился ко мне.

- Согласен, - кивнул он. - Однажды я тоже попал в эту ловушку: спешил после работы, а Карин начала рассказывать про какого-то парня из нашего отдела. Потерял целый час, слушал её, а в итоге так и не понял сути истории.

Мы рассмеялись, и он протянул мне последние листы, всё ещё улыбаясь. Только сейчас, когда суматоха улеглась, я смогла как следует его рассмотреть. Передо мной стоял парень с сероголубыми глазами - такими ясными, будто весеннее небо после дождя, - и русыми волосами, слегка расчёпанными после нашей неловкой встречи. Черты лица у него были словно с обложки глянцевого журнала: правильные, гармоничные, но при этом не холодные, а живые - в них читалась какая-то внутренняя теплота. Мне вдруг стало по-

настоящему интересно: почему такой человек выбрал путь врача? Не модельный бизнес, не что-то ещё, что сулило бы славу и блеск, а эту непростую, требующую самоотдачи профессию?

- Меня зовут Энди Аллен, - представился он. - А ты, если не ошибаюсь, Грейс Филлипс? Помощница доктора Арчи Кларка, верно? - в его улыбке было столько доброжелательности, что я невольно улыбнулась в ответ.

- Да, всё верно, - подтвердила я. - Но, к сожалению, я очень спешу - мне нужно срочно отдать эти бумаги.

- Конечно, иди, - кивнул он. - Увидимся ещё.

Я пошла прочь, всё ещё чувствуя на губах улыбку. Этот случайный разговор оставил в душе странное, тёплое послевкусие- Энди Аллен определённо произвёл на меня впечатление.

Подойдя к кабинету, я глубоко выдохнула и на мгновение замерла, собирая остатки самообладания. В груди тяжело билось сердце - я знала, что разговор будет непростым. Распахнув дверь, я вошла - и тут же почувствовала давящую атмосферу: мой так называемый босс был явно не в духе.

- Слушай, Грейс Филлипс, - его голос звучал жёстко, почти гневно, - если ты хочешь стать выдающимся врачом, ты не должна опаздывать. И уж тем более не - на сорок пять минут! А если случится что-то срочное, а тебя нет? Я мог бы сам заняться этими документами, но тогда мне скажут:

«Почему не даёшь шанс молодому поколению?»

- Извините меня, Арчи Кларк, я не... - Попыталась оправдаться, но он не дал мне договорить.

- Послушай меня, девочка, - он резко поднял руку, прерывая меня. - Мы пошли тебе на уступки - взяли во время обучения в институте. Ты подавала надежды, и я думал, что из тебя что-то получится. Потом случилась та катастрофа с твоей подругой, и мы дали тебе столько времени, сколько было нужно. Ты могла ещё оставаться на больничном, но ты вышла - значит, отпустила прошлое. Но в первый же день ты опаздываешь, а бумаги, которые я просил разложить и подготовить, приносишь в таком виде, будто это макулатура! И что же я должен на это сказать? - Кларк посмотрел на меня с откровенным разочарованием, и от этого взгляда у меня перехватило дыхание.

Я молчала. Слова застряли в горле - любые оправдания сейчас казались пустыми и бессмысленными. Всё, что я могла бы сказать, никак не повлияло бы на его решение. Кларк тяжело выдохнул, провёл рукой по лицу и медленно опустился в своё кресло за рабочим столом.

- Даю ещё двадцать пять минут на подготовку документов, а пока я решу, что делать дальше - произнёс Кларк, не поднимая глаз.

- Спасибо, - тихо ответила я и вышла из кабинета, почти срываясь на бег по направлению к ординаторской. Нужно было срочно исправить то, что натворила.

Я методично перебирала документы, стараясь сосредоточиться. Пальцы дрожали, но я упорно раскладывала листы по порядку. Когда работа была почти закончена, я бросила взгляд на часы - в запасе оставалось ещё десять минут. Подойдя к кофемашине, я уже протянула руку к кнопке включения, как вдруг за соседней дверью послышались приглушённые голоса и тихие стоны. Я замерла, прислушиваясь. Любопытство взяло верх - я осторожно приоткрыла дверь за ней хранились чистые полотенца и медицинские принадлежности. Но моё внимание мгновенно приковал другой вид: там был тот самый парень, в которого я сегодня врезалась. Он был не один - рядом с ним находилась девушка, и они. О, чёрт. Я резко захлопнула дверь, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Схватив документы, я поспешила к кабинету главного врача. От увиденного даже желание пить кофе мгновенно испарилось - в голове крутилась только одна мысль: поскорее забыть эту неловкую сцену.

К концу дня я подвела итоги: день прошёл неоднозначно. Не катастрофа, но и не триумф. Кларк дал мне второй шанс - и произнёс это так, что стало ясно: следующий промах может стать последним. Я твёрдо решила использовать этот шанс с умом. Энди, которого я встретила утром, а позже случайно увидела в весьма неоднозначной ситуации, больше нигде не появлялся. То, что его не было, очень облегчало, мне мою жизнь. Переборов себя, я обратилась к единственному человеку, способному дать ответы, - к неутомимой болтушке Ка-

рин.

- Энди Аллен - самый горячий врач у нас, - с энтузиазмом начала она, едва я задала вопрос. - Каждая мечтала затащить его в постель, пока мы не узнали, что он женат. А его женушка периодически сюда заглядывает! Сказать по секрету, она у него - настоящая стерва. К тому же с огненными рыжими волосами. Девочки её ведьмой называют.

Я усмехнулась и откусила сэндвич с курицей, делая вид, что равнодушна. На самом деле внутри всё дрожало от любопытства. Раньше я никогда не увлекалась сплетнями, но Энди зацепил меня не только своей внешностью. Было в нём что-то – что мне хотелось поскорее узнать.

- Он очень скрытный, - продолжала Карин. - Почти ни с кем не разговаривает. Я пыталась наладить с ним хоть какой-нибудь контакт, но ничего не выходило. И, по-моему, он слишком молод, чтобы обременять себя браком.

Карин всё говорила и говорила, а я уже успела пожалеть, что спросила её про Энди. Доев сэндвич и выслушав ещё пару «секретных сведений» о самом притягательном парне этой больницы, я попрощалась с Карин и направилась домой. На часах было шесть вечера, а дорога до дома занимала ещё полчаса. По пути я всё размышляла над услышанным. И почему, несмотря ни на что, меня так тянет узнать о нём больше? Думаю, спустя три года я, наконец, была готова начать новую главу в жизни - открыть себя для новых отношений, сделать шаг вперёд. Но судьба, словно в насмешку, подбросила мне

первый же вариант - женатого мужчину. От этой мысли на душе стало горько. До дома оставалось всего десять минут пути. Я шла, вслушиваясь в гул города: далёкие гудки машин, смех прохожих, шёпот ветра между зданий. А в голове снова и снова крутились одни и те же мысли об Энди.

Вдруг в кармане завибрировал телефон - настолько неожиданно, что я вздрогнула и остановилась у края перил. Достав смартфон, я замерла, не веря своим глазам: на экране высветилось уведомление о новом сообщении. Сердце сжалось, а в груди разливалась тяжесть - надежда, едва зародившаяся за день, снова ускользала.

«Мы приедем завтра».

Всего три слова, от родителей обрушились на меня, как удар. Почему именно сейчас? Почему они не могут просто оставить нас в покое, так как они и хотели? Эти слова резали, словно ножом, вскрывая старые раны. Всё, что я так старательно пыталась забыть, снова нахлынуло волной - будто и не было этих месяцев тишины. Мир вокруг мгновенно потерял краски, снова став серым и безжизненным. И знаете, в тот момент я так отчаянно надеялась, что телефон больше никогда не зазвонит. Наверное, интересно, почему я не радуюсь звонкам и письмам от родителей? Всё случилось шесть месяцев назад - за три часа до смерти Розали. В тот день они уехали, пока нас не было дома. Просто молча собрали вещи и исчезли - без единого слова, без записки, без намёка на то, что происходит. Ничего....

Мы вернулись - и словно попали в чужой мир. Дом был перевернут вверх дном, будто кто-то в спешке рылся в вещах, хватал первое попавшееся, швырял на пол. Я схватила телефон. Пальцы дрожали, когда я набирала сообщение за сообщением - сначала с тревогой, потом с отчаянием: *«Что произошло?», «Где вы?», «Пожалуйста, ответьте хоть что-нибудь!»*. Каждое отправленное «отправлено» било по сердцу, как удар: в ответ - ни звука, ни уведомления, ни намёка на жизнь. Только тишина. Абсолютная, глухая, безжалостная тишина. Она заполняла комнаты, проникала под кожу, шептала: *«Они не вернутся. Они не ответят»*.

Время будто застыло. Я перечитывала свои сообщения - пустые, безответные, - и чувствовала, как внутри разрастается ледяная пустота. За час до того, как мне позвонили из скорой и сообщили о гибели подруги, мама прислала SMS: *«Мы не хотим вас видеть. И не пишите нам. Мы решили начать новую жизнь - без вас»*. Так же мой парень в ту же секунду сообщил, что хочет расстаться со мной.

А всего лишь четыре года назад наша жизнь была совершенно другой. У нас была идеальная семья, лучшая в мире подруга. Мы казались счастливыми – по - настоящему, безо всяких оговорок. Но, как оказалось, в нашей истории не нашлось места для счастливых исключений. Всё рухнуло в одночасье:

Родители внезапно решили, что дети им больше не нужны - без объяснений, без попыток поговорить;

Моя подружка трагически погибла;

Парень ушёл, потому что ему так захотелось без объяснений.

И теперь единственное, что осталось у меня в этом разрушенном мире, - моя сестра. Она - мой последний якорь, моя единственная опора в океане боли и потерь. Глядя на экран телефона, я понимала: нужно рассказать всё Джейн. Но так не хотелось портить этот тёплый вечер. Поэтому утром её ждал не радостный сюрприз, а горькая, правда. Я уже приняла их выбор. А Джейн всё ещё надеялась на возвращение. За эти месяца родители практически не выходили на связь. Если и писали - то сбивчивые, противоречивые сообщения: то признавались, что любят нас и скучают, то сообщали, что рады, что мы больше не рядом. Их слова путали и ранили ещё сильнее. Честно говоря, за всё это время мы с Джейн не особо в них и не нуждались. Я до трагедии работала помощницей главврача и училась на третьем курсе, а сестра так же совмещала учёбу с работой в ресторане и ещё возилась со мной. Мы научились справляться и без них.

Она умоляла их вернуться: засыпала сообщениями и голосовыми, плакала, цеплялась за последнюю надежду. Но они оставались непреклонны. Ни разу не ответили, ни на одно сообщение. Их решение было окончательным - никакие слёзы и просьбы не могли его изменить. И вот теперь, спустя столько времени, они вдруг решили приехать

Дойдя до дома, меня встретила Джейн – она выбежала из кухни и уже у двери принялась расспрашивать, как у меня прошел день, рассмеявшись, я, повела её на кухню. Мы устроились за столом, и я, не сдержавшись, рассказала ей про Энди – про то, как он меня зацепил, и тут же, с горечью в голосе, добавила, что он женат. Тёплая улыбка сестры мгновенно согрела душу, приобняв меня она тихо добавила:

- Это ещё не конец, поверь. - Она обняла меня крепко.

Я и сама это понимала, но от её слов на душе вдруг стало чуть легче – будто кто-то протянул руку в темноте. Одно я так и не решилась ей сказать: что родители завтра приедут. Не захотела омрачать этот уютный вечер, разрушать хрупкую атмосферу нашего маленького праздника. А я знала, что она была рада тому, что я вернулась и начала жить. После чудесного ужина я помогла Джейн убрать со стола, и каждая, разошлась по своим комнатам.

Поднявшись, я взяла с полки книгу и попыталась погрузиться в чтение. Но, глаза потихоньку слипались и, выдохнув, я постаралась, закрыть глаза. Так как сил не было ни на что. Ни на мысли. Ни на эмоции. Ни даже на слёзы.

Только усталость – глубокая, всепоглощающая. Она сковала тело, затуманила разум, лишила воли. Единственное, что мне оставалось, – закрыть глаза и постараться уснуть. Я закрыла их, глубоко вдохнула и попыталась отпустить всё, что терзало меня. Но где-то на краю сознания всё равно пульсировала одна мысль: завтра всё изменится.

Глава 4

"Грейс"

Уже десятый раз за эту бесконечную ночь я просыпаюсь с душераздирающим криком. Поначалу мне казалось, что эти вопли рождаются где-то в глубинах моего сознания, оставаясь немymi свидетелями ночных кошмаров. Но теперь я знаю правду - они вырываются наружу, разрывая тишину комнаты. Джейн сидит рядом, её обеспокоенное лицо в полумраке кажется особенно тревожным. Её тёплая рука нежно поглаживает мою ладонь, а в глазах читаются одни вопросы. Каждую ночь я просыпаюсь в холодном поту, но сегодня всё иначе - сегодня мой крик услышала сестра. И теперь я понимаю, что больше не смогу прятаться за маской спокойствия. Сестра видела моё страдание, шрамы, все бинты, что каждый день я перематываю своё тело, слышала мои крики, и от этого никуда не деться. Я больше не могла игнорировать.

- Грейс, объясни мне.... - Её голос дрогнул, и я отчётливо поняла, что последует дальше. Не в силах выдержать этот разговор, я резко оборвала её.

- Тут нечего объяснять. Всё, что советовал врач, я перепробовала, но ничего не помогает, - произнесла я, отводя взгляд, от сестры избегая её пронизательного взгляда. Тяжелый вздох вырвался из груди, словно пытаюсь унести с собой все мои страхи и сомнения.

Джейн молча сидела рядом, в этом молчании было слишком много боли, которую я пыталась скрыть за маской безразличия. Но сестра видела меня насквозь, чувствовала каждую мою боль, и это делало ситуацию ещё более невыносимой. Её пальцы нежно скользили по моей руке, даря призрачное утешение. Её безмолвие было тяжелее любых слов. Оно давило, душило, заставляло чувствовать себя ещё более уязвимой. И когда терпение достигло предела, я взорвалась:

- Давай, Джейн, скажи, что отправишь меня в психушку. Признай, что мне уже ничего не поможет, что я безнадежна, - прошептала я, отдергивая свою руку из её, закрывая своё лицо ладонями, словно пытаюсь спрятаться от собственных мыслей и страхов.

В ответ она лишь устало улыбнулась и произнесла:

- В эти выходные я пригласила Алекса и его друга....

Я убрала руки от лица, изумлённо глядя на неё. В её глазах читалась такая уверенность и спокойствие, что на мгновение все мои страхи отступили. Она продолжала, словно прочитав мои мысли:

- Я понимаю, как тебе тяжело. Ты была намного ближе с Розой, чем я. И я правда думала, что врач или лекарства помогут тебе справиться. Но, видимо, я ошибалась. Знаешь, иногда нам просто нужно привнести в жизнь что-то светлое, позитивное. И вот я подумала - давайте устроим уютный семейный ужин! Ты пообщаешься с Алексом, познакомишься с его другом. Я знаю, что тебе понравился на работе другой

парень, но кто знает, может, это станет началом чего-то хорошего. - Джейн подмигнула мне с такой искренней надеждой в глазах, что моё сердце дрогнуло.

Я была поражена её словами. Обняв сестру крепко-крепко, я почувствовала, как тепло её понимания проникает в самое сердце. Она не отвернулась от меня, не отправила в какое-то специальное заведение - она просто хотела помочь, преподнеси в мою жизнь, что то хорошее.

-Отличная идея, Джейн! Думаю, субботний вечер действительно может стать особенным, - с тёплой улыбкой сказала я, но в глубине души понимала: пора рассказать ей о родителях - сегодня они как раз приезжают.

- Слушай, Джейн, я должна тебе кое-что сказать, и нет смысла этого скрывать - Тяжело выдохнув, я собралась с духом и выпалила на одном дыхании: - Сегодня приезжают родители.

Её лицо мгновенно омрачилось. Сердце ёкнуло - я тут же бросилась извиняться:

- Прости, что не рассказала, вчера. Я не хотела, портить тебе вчерашний вечер, - виновато проговорила я. - Я молчала, потому что заранее знала твою реакцию, - добавила я уже спокойнее, видя, что сестра молчит и не собирается отвечать. - И потом, ты же сама понимаешь: они всё равно придут, как бы мы этого ни хотели.

- Надо было сказать, Грейс...- без эмоций отозвалась она. - Я бы не стала приглашать Алекса и его друга.

Джейн повернулась, чтобы уйти, но я поспешно остановила её:

- Нет, стой! Джейн, ты не должна этого делать. Наоборот, мы должны провести эти выходные, не обращая внимания на приезд наших родителей. Всего лишь одни выходные - они ведь по-любому уедут в воскресенье. - Я снова тяжело вздохнула и тихо добавила: - Прошу, не обижайся. Я совсем не хотела портить эти планы.

- Ты и не портишь их, Грейс. Это родители давно всё испортили, - тихо ответила она.

Я видела, как тяжело ей даётся эта ситуация. Но, Джейн взяла себя в руки и, сделав видимое усилие, улыбнулась:

- Ладно, хорошо. Ты права - всего лишь одни выходные. Тем более рано или поздно, Алексу всё равно нужно будет познакомиться с родителями, - с натянутой улыбкой продолжила она. - Вставай, Грейс, идём завтракать - тебе ещё на работу сегодня.

- Время только четыре утра, так что у нас будет самый ранний завтрак в истории! - попыталась я подбодрить сестру шуткой.

Но, Джейн лишь сдержанно улыбнулась в ответ и поспешила на кухню. Внутри всё сжималось от вины: после тех раз, что она им писала, а они не отвечали, и после она полностью прекратила с ними общение.

Приняв быстрый душ и обработав раны, я спустилась вниз. Завтрак получился тихим и невыносимо гнетущим.

Поцеловав Джейн на прощание, я поспешила на работу - хоть на часах было всего шесть утра, а рабочий день начался в восемь. Мне просто необходимо было проветрить голову перед сменой.

Сидя в пустом кабинете ординаторской, я молча смотрела на часы, висевшие на стене. Передо мной лежал журнал, а рядом - уже остывший кофе, на поверхности которого образовалась тонкая бледная плёнка. На часах - 7:30. Скоро здесь станет шумно: коллеги обычно приходили за час или хотя бы за полчаса до начала смены. Но сегодня всё было по-другому. Пятница дарила всем чуть больше расслабленности - никто не торопился на работу, будто сам воздух стал чуть легче, а время - чуть медленнее. Тишина казалась почти осязаемой - она окутывала пространство, позволяя на мгновение забыть о бесконечной суете больницы. Я сделала глоток холодного кофе, невольно поморщившись, и глубоко вздохнула, погружаясь в редкие минуты покоя.

Но идиллию прервал резкий звук открывающейся двери.

- Привет, эм, я что, опоздал? - раздался голос вошедшего Энди.

Я слегка вздрогнула, но, надеялась, что он этого не заметил. Повернувшись, я невольно задержала взгляд на нём. И правда, внешность у него притягательная: слегка растрёпанные волосы, будто он только что провёл по ним рукой в задумчивости, и эти глаза - глубокие... Он стоял в дверном

проёме, слегка запыхавшийся, с халатом, перекинутым через руку. «Жалко, что он женат».

- Эй, всё нормально? - спросил Энди, подходя ближе.

От неожиданности я ещё раз вздрогнула и неловко взмахнула, рукой - кружка с кофе опрокинулась, тёмная лужица растеклась по столу, капля попала на халат.

- Чёрт! - выругалась я, заливаясь краской. - Извини, задумалась, Ночь плохо спала, - начала я торопливо оправдываться, хватая салфетку и судорожно вытирая стол. Движения выходили резкими, нервными - руки чуть дрожали.

- Всё нормально, просто ты так убийственно на меня посмотрела, что я начал вспоминать все грехи за вчерашний день, - он улыбнулся, легко и непринуждённо, и эта улыбка неожиданно заставила меня рассмеяться.

- Нет, всё хорошо, правда, - пробормотала я, вспоминая вчерашнюю сцену с девушкой которой он развлекался, но откинув мысли продолжила вытирать стол и пятна на халате. Салфетка размокла и начала рваться, только усложняя задачу.

- Но если серьёзно. Поделишься? Видно, что ты чем-то встревожена, - уже без шуток произнёс, Энди. Одев халат, он отошёл к кофемашине, ловко загрузил капсулу и нажал кнопку - аппарат зашумел, наполняя комнату ароматом свежесваренного кофе.

Я замерла с комком мокрой салфетки в руке. Хотела промолчать - привычно спрятать всё внутри, натянуть мас-

ку спокойствия. Но что-то сломалось. Душа была на грани: накопившаяся усталость, тревога, переживания давили так сильно, что казалось, ещё минута - и я просто рассыплюсь на части. Взгляд невольно метнулся к Энди. В его глазах читалась неподдельная забота - не формальная вежливость, а искреннее участие. И это крошечное проявление тепла стало той самой каплей.

- Да, ты прав, - выдохнула я тихо, опускаясь на стул. Голос чуть дрогнул. - Просто всё как-то навалилось разом. Сегодня приезжают родители.... - начала я, и в этот момент из рук, Энди выпала кружка, с громким звоном разбившись на тысячу мелких осколков. - Ты не поранился? - встревоженно воскликнула я и бросилась к нему, а затем - за тряпкой и ведром, чтобы убрать острые осколки и вытереть лужу кофе.

- Да, всё нормально, - отозвался он. Голос звучал непривычно напряжённо, но я, поглощённая своими переживаниями, не придавала этому особого значения.

Энди присел на корточки и начал аккуратно собирать крупные осколки, старательно избегая моего взгляда.

- И что дальше? Они приезжают - это ведь нормально? Из за чего ты так переживаешь? - Спросил он, по-прежнему не глядя на меня.

Я вздохнула, пытаясь унять закипающую внутри злость.

- Да, наверное, нормально. Но, не в моей семье, - я сделала шаг ближе, голос зазвучал громче, выдавая всю накопившуюся горечь. - Шесть месяцев назад они просто взяли и уеха-

ли, ничего не сообщив нам. Ни слова, ни записки - просто исчезли. А теперь вдруг решили приехать, даже не спросив, хотим ли мы их вообще видеть!

Я говорила, почти не замечая, как меняется выражение лица Энди: его брови сошлись на переносице, губы сжались в тонкую линию, взгляд стал тяжёлым. В какой-то момент я поймала его взгляд - и на мгновение мне показалось, что в нём промелькнуло что-то очень злое. Как будто это к нему приезжают, не любимы родителями.

- Так скажи им об этом, - неожиданно твёрдо предложил он.

Я удивлённо замерла.

- Поверь, они бы даже и слушать не стали, - тихо ответила я, опуская глаза. - Это ведь их жизнь и дом: захотели уехать - уехали, захотели приехать - приехали. Для них уже наши чувства ничего не значат.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Энди всё ещё собирал осколки, движения его стали медленнее, будто он погрузился в какие-то свои мысли. После того как я закончила споласкивать тряпку и выкидывать осколки, я вернулась к столу. Энди уже поставил передо мной чашку свежего горячего кофе - я даже сквозь злость не сразу осознала, как он успел так быстро его приготовить: всего минуту назад он убирал стекло. Видимо, в моей голове время текло куда медленнее, чем на самом деле.

- Спасибо. А ты что так рано? - поинтересовалась я, делая

глоток и невольно наслаждаясь теплом и ароматом напитка.

Энди стоял рядом и улыбался, наблюдая, как я с явным удовольствием пью его приготовленный кофе. В моменте, он казался удивительно домашним и уютным - будто мы не в ординаторской больницы, а где-то в маленькой кофейне, где нет ни тревог, ни тяжёлых воспоминаний.

- Я люблю приходить пораньше, - ответил он и сел в кресло напротив, тоже отпив из своей чашки.

Я помолчала, обдумывая слова, а потом всё-таки задала вопрос, который вертелся на языке:

- Ты женат, и так молод. Как твоя жена относится к твоим бесконечным ночным сменам? Быть врачом не так просто, - спросила я, глядя на него в упор.

Он усмехнулся.

- Ты уже знаешь о том, что я женат? - с его лица не сходила лёгкая усмешка. Поднявшись, он поставил кофе на тумбочку и медленно подошёл ко мне - почти вплотную. - Быстро, однако, расходится информация, - он провёл пальцами по ткани моего халата. - Слушай, детка, никогда не слушай того, что говорят тут обо мне. Где - то ложь, а где-то, правда.

Его лицо оказалось слишком близко - настолько, что у меня перехватило дыхание. Воздух между нами будто сгустился, стал тяжелее.

- Хочешь сказать, что ты не женат и не такой замкнутый парень, как все говорят? - Спросила я, не отводя взгляда от его глаз.

- Я же говорю: где-то, правда, а где - то ложь. Слушай лишь своё сердце, - он чуть наклонился ближе, его голос стал тише, вкрадчивее. - И ответь мне: что оно подсказывает тебе о каждой ночи, которую ты не можешь спать спокойно?

Я замерла. У меня пропал дар речи - откуда он мог знать? Как он догадался, что меня мучают сны?

Он осторожно приподнял мой подбородок, и его лицо оказалось в каких-то считанных сантиметрах от моих губ - я ощутила тепло его дыхания, уловила едва заметный аромат парфюма и кофе. Время словно замерло, а легкое почти невесомое прикосновение его губ заставило моё сердце пропустить удар, но... дверь резко распахнулась и в ординаторскую зашла, Карин.

- Ребят, я..... Ой, простите! - она явно не ожидала увидеть нас в такой близости и застыла на пороге, широко раскрыв глаза.

Я резко оттолкнула Энди и отступила на шаг. Он лишь усмехнулся, подмигнул Карин, схватил какие-то бумаги со стола и вышел из кабинета, оставив после себя едва уловимый аромат кофе и странное послевкусие этого момента.

- Грейс, что это было? - растерянно спросила Карин, глядя мне в глаза.

Я лишь пожала плечами, взяла со стола журнал и быстро вышла из кабинета, оставив её в растерянности. А в голове крутились вопросы не о том, хотел ли он меня поцеловать, а, о откуда, чёрт возьми, ему известно, что меня ночами тре-

вожат сны?

Весь день я провела как на иголках. К счастью, босс, Кларк загрузил меня работой так, что не было ни минуты свободного времени - и, соответственно, возможности пере-сечься с Энди и Карин, которая, наверное, уже список во-просов составила. Но, мои мысли не отпускали меня: мне отчаянно хотелось задать ему хотя бы пару вопросов.

Вернувшись, домой, я взглянула на часы - было около ше-сти вечера. Точного времени приезда родителей мы не знали, и это ожидание давило, словно невидимая тяжесть на пле-чах. Джейн ещё была в институте - готовилась к последним экзаменам. А так как я была, одна я решила, налить себе бо-кал вина, и устроиться на диване, поставив на колени ноут-бук и погрузилась в ностальгическое путешествие по стра-ницам прошлого. Мои пальцы бережно перелистывали фо-тографии - медленно, почти трепетно. Каждая картинка буд-то открывала дверь в другой мир: смех, солнце, тёплые дни, которые теперь казались далёкими, как сон. Взгляд невольно задержался на снимке Розы. Она была не просто особенной - она была воплощением красоты и грации, словно сошла со страниц старинной сказки. Её чёрные, как бархатная ночь, волосы всегда струились по плечам - гладкие, блестящие, ни единого непослушного локона. А глаза... Эти голубые, глу-бокие, как горные озёра, глаза обладали удивительной спо-собностью - они будто видели насквозь, проникали в самую

глубину души, читали сокровенные мысли, не требуя слов.

Она обожала платья и носила их с такой естественной элегантностью, что каждый её выход напоминал появление принцессы из волшебной истории. На фото она смеялась, запрокинув голову, а солнечный свет играл в её волосах - и на мгновение мне показалось, что я снова слышу её голос, лёгкий и звонкий, как колокольчик. Внезапный звук открывающейся двери резко вырвал меня из воспоминаний.

В квартиру вошла Джейн. Я услышала, как она торопливо взбежала по лестнице, а затем почти влетела в зал. Её глаза горели возбуждением, щёки покраснелись от спешки. В руках она держала что-то, заставившее моё сердце пропустить удар.

- Ты должна это надеть, - произнесла она твёрдо, кладя на диван алое платье. Оно было точной копией того, в котором когда-то блистала Роза, только это в более ярком, огненном оттенке. – Завтра ты будешь как королева.

В глазах сестры читалась непоколебимая решимость. Она знала, что делала. Знала, что это именно то, чего хотела бы Роза.

- Она бы настояла, - добавила Джейн, и в её голосе прозвучала тихая, но уверенная сила.

С тёплой улыбкой я приподнялась с дивана, поставив, ноутбук на стол и осторожно коснулась, алого шелка платья. В этот миг прошлое нахлынуло на меня волной, унося в тот незабываемый день:

-Смотри, какие платья! - воскликнула Роза, её лицо озаряла искренняя, заразительная улыбка. Я подбежала к ней, и наши взгляды встретились с витриной, где сияли два атласных шедевра - черное и алое, словно созданные друг для друга.

Эти платья были воплощением элегантности. Гладкая, блестящая ткань переливалась в свете ламп, придавая образу непередаваемую утонченность и роскошь. Глубокий V-образный вырез изящно подчеркивал линию декольте, добавляя образу женственности и очарования. Тонкие бретельки на плечах создавали ощущение легкости и грации, а высокий боковой разрез придавал силуэту игривую нотку.

Мы стояли перед витриной, не в силах оторвать взгляд от этого великолепия. Наши сердца бились в унисон от предвкушения. Не в силах больше сдерживать восторг, мы ворвались в магазин, словно две восторженные девочки.

Когда мы примерили эти шедевры словами невозможно описать то волшебство, которое произошло. Облегающий силуэт подчеркивал каждую линию наших фигур, создавая иллюзию безупречной стройности. В этих платьях мы чувствовали себя не просто красивыми - мы чувствовали себя королевами, готовыми покорить весь мир.

-Думаю, нужно брать, - с озорной улыбкой произнесла Роза, игриво подмигнув мне.

-О, ты абсолютно права! Гости будут в полном восторге, да и родители, наверное, вытащат глаза от удивления.

Это же новогодняя вечеринка - самое подходящее событие для таких платьев! - подхватила я её энтузиазм.

Мы переглянулись, и нас охватил приступ заразительно-го смеха. Две счастливые подруги, предвкушающие незабываемый вечер. С сияющими глазами мы направились к кассе, чтобы завершить эту чудесную покупку.

Мои мысли унеслись далеко в прошлое, пока нежные пальцы Джейн не вернули меня к реальности лёгким прикосновением.

- Эй, всё в порядке? Если не хочешь надевать его - не проблема. Можем подобрать что-то другое, более подходящее, - её голос звучал мягко, в глазах читалась искренняя забота и тревога.

- Эмм, нет, оно идеально подойдёт. Не зря же мы его купили, - я выдавила из себя улыбку, стараясь казаться уверенной. Сестра бросила на меня внимательный взгляд, в котором читалось сомнение, но мудро решила не настаивать. За эту её чуткость я была ей безмерно благодарна.

- А ты что наденешь на ужин? - спросила я, стараясь перевести разговор в более лёгкое русло и улыбнуться Джейн.

- А я надену платье, которое Алекс подарил мне на годовщину наших отношений. Оно очень красивое, завтра обязательно покажу тебе, - её лицо озарилось нежной улыбкой.

Но, в дверную дверь позвонили, и лицо Джейн омрачилось - словно тень легла на черты, прежде полные жизни: И мы обе поняли: кто приехал. Собравшись с духом, я первая

пошла к входной двери. Открыв за порогом стояли родители. Где-то глубоко внутри что-то дрогнуло, будто оборвалась тонкая нить. С едва заметной улыбкой я пригласила их войти.

Мама подошла и обняла меня осторожно, почти робко. Папа остался стоять в стороне, избегая моего взгляда. Сердце упало, но я ничем не выдала себя - лишь молча закрыла дверь.

Джейн вошла в комнату следом, и я едва узнала сестру. Передо мной стояла не та жизнерадостная девушка, которую я знала, а строгая, невозмутимая женщина. Серое платье, подчёркивающее силуэт, словно отражало её внутреннее состояние - сдержанное, холодное. На лице не дрогнул ни один мускул, ни намёка на эмоцию. Казалось, время над ней не властно: она будто перепрыгнула через годы взросления в одно мгновение.

Мама бросила на неё усталый взгляд и тихо, с ноткой изнеможения, произнесла:

- Мы с папой устали. Хочется прилечь.

Джейн не шелохнулась. Лишь коротко бросила:

- Хорошо.

И, не добавив больше ни слова, направилась в свою комнату.

Я стояла возле двери, оцепенев от происходящего. Что случилось с моей сестрой? Куда исчезла та весёлая, эмоциональная девушка, которая была рядом всего пару мгновений

назад? Проводив взглядом родителей, скрывшихся в своей комнате, я поднялась на второй этаж и тихонько постучала в дверь комнаты Джейн. Не дождавшись ответа, я осторожно вошла. Джейн стояла у окна. Её силуэт в мягком вечернем свете казался непривычно отстранённым, почти чужим. Я закрыла дверь и, прислонившись к ней, тихо спросила:

- Как ты?

Джейн, поглощённая созерцанием птиц за окном, словно не слышала меня. Её плечи едва заметно дрожали, выдавая внутреннее напряжение.

- Джейн? Ты меня слышишь? - Повторила я чуть громче.

Она вздрогнула, будто очнувшись от тяжёлого сна, и медленно обернулась.

- Прости, не услышала, - сказала она и поспешно вытерла слёзы, стараясь скрыть их от меня.

- Джейн, ты точно в порядке? - Снова спросила я, чувствуя, как тревога сжимает сердце.

Она подняла на меня глаза - в них читалась глубокая боль, которую она тщетно пыталась спрятать. Но даже сейчас, казалось, она не до конца осознавала моё присутствие. Джейн лишь машинально кивнула и снова отвернулась к окну. Обхватив голову руками, она издала тяжёлый вздох - такой глубокий и полный отчаяния, что у меня защемило в груди. Её поза кричала о внутренней борьбе, о том, как тяжело ей даётся эта маска безразличия. Я понимала: что это глубоко ранило мою сестру, и эта рана была гораздо серьёзнее, чем ка-

залось на первый взгляд.

- Может, тебе стоит поехать к Алексу? - Осторожно предложила я. - А завтра вечером вы могли бы вернуться?

Я с тревогой посмотрела на сестру, надеясь, что она примет моё предложение.

Джейн медленно подняла глаза, осторожно вытерла слёзы и вдруг произнесла с неожиданной твёрдостью в голосе:

- Нет, спасибо. Я останусь дома. Более того, завтра мы устроим семейный ужин, и родители тоже будут присутствовать. Мне нечего скрывать, и я готова встретиться с ними лицом к лицу.

- Ты уверена? - Осторожно спросила я, не скрывая беспокойства.

- Абсолютно, - её голос звучал решительно, без тени сомнения.

Я подошла ближе, легонько поцеловала её в щёку и крепко обняла. В этом объятии было всё - и поддержка, и молчаливое обещание быть рядом, и надежда, что всё наладится.

- Спокойной ночи, - прошептала я и тихо вышла из комнаты.

Остаток вечера я провела у себя, погружившись в воспоминания. Перелистывая старые фотографии - немногие из тех, что я сохранила, - я понимала, что это лишь способ мучить себя. Но остановиться не могла. Держа в руках кусочек прошлого, я наткнулась на снимок, запечатлевший момент нашего знакомства. Мы были в баре, и даже самый вни-

матерный наблюдатель не догадался бы, что это наша первая встреча. На лицах - искренняя радость, беззаботность, предвкушение долгой дружбы. Мы смеялись, глаза блестели, а мир казался таким простым и добрым.

Джейн всегда была ослепительно красива: её длинные светлые волосы словно излучали сияние, а зелёные глаза искрились жизнью и энергией. Она обожала быть в центре внимания, и даже на этом первом снимке выглядела неотразимо - в огненно-красных джинсах и белоснежном топе с длинными рукавами. Я же выглядела более сдержанно: чёрные джинсы с высокой талией и простой белый топ. В тот день я слегка завила свои каштановые волосы и закрепила их белой заколкой набок. Серо-зеленые глаза я подчеркнула тонкой линией чёрной подводки, придавая взгляду выразительность.

В тот вечер, когда судьба свела нас вместе, Розе было двадцать лет, мне было шестнадцать, а Джейн всего пятнадцать. Каким-то чудом нам удалось попасть в бар - то ли Роза знала охранника, то ли её природное обаяние сработало.

Хотите услышать историю нашего знакомства? Тогда слушайте...

Мне только исполнилось шестнадцать лет, и я, полная надежд и наивных мечтаний, познакомилась с парнем на сайте знакомств. Мы общались около месяца, и однажды он предложил встретиться. Страх боролся в моей душе с желанием увидеться с ним - человеком, который, как мне казалось, от-

вечал мне взаимностью. Я тщательно подготовилась к встрече, сообщила родителям, что иду гулять с друзьями, и, конечно же, взяла с собой, Джейн. Мы направились в парк, пренебрегая здравым смыслом - поздним вечером, в безлюдном месте. Но молодость и влюблённость затмевают разум. Мы пришли в назначенное время и место. Прямо перед нами стояла девушка в элегантном чёрном платье, с длинными прямыми чёрными волосами. Она тоже кого-то ждала. Но не успели мы и слова сказать, как появился он - тот самый парень. Он был прекрасен, и я замерла, увидев, как та девушка, которую я про себя назвала «девушкой в чёрном», бросилась к нему в объятия и поцеловала. Он ответил на поцелуй, а потом, оторвавшись от неё, поднял глаза и замер, увидев меня. Его попытки оправдаться были жалкими, и я, усмехнувшись, послала его куда подальше. «Девушка в чёрном» поступила так же и неожиданно бросилась за нами.

Так мы и познакомились с Розой. Она отвела нас в бар, где мы проговорили всю ночь напролёт. А родителям мы, конечно же, сказали, что остались ночевать у друзей. Эта случайная встреча стала началом прекрасной дружбы, которая изменила наши жизни навсегда. То время было наполнено искренним весельем и беззаботными моментами, но с каждым днём, проведённым с Розой, я открывала в ней что-то новое, и она становилась мне всё дороже. Помню, как тот же парень однажды снова попросил о встрече. И я согласилась, но только при условии, что встреча состоится днём. Мы по-

говорили, разошлись, и этот разговор остался в моей памяти как что-то незначительное, почти неважное и очень странное.

Но главное было не в нём. Главное - это та судьбоносная встреча, которая подарила мне знакомство с Розой. Тогда мы даже не подозревали, что этот случайный вечер положит начало дружбе, которая со временем станет чем-то гораздо, большим - чем-то глубоким, настоящим, бесценным.

Тогда и я ещё не знала, что впереди куда больше необычных историй....

Глава 5

"Грейс"

Бессонная ночь тянулась бесконечно. Я металась по постели, просыпаясь каждые двадцать минут - увы, это уже превратилось в мучительную привычку. Сны становились всё реальнее, плотнее, почти осязаемыми. Но всякий раз, когда я пыталась дотронуться до той, за кем бежала сквозь туманные коридоры сновидений, ноги подкашивались - и я вновь летела в тёмную бездну, беззвучно крича.

В сотый раз, перевернувшись на бок, я бросила взгляд на часы: пять утра.

- Чёрт - вырвалось у меня почти шёпотом. - Когда же ты оставишь меня в покое? Когда я смогу спать без этих кошмаров?.. Розали, ну почему ты не можешь просто отпустить меня? - прошептала я в пустоту.

И тут я вдруг осознала, что разговариваю сама с собой. Может быть, я действительно схожу с ума? Эта мысль пронзила меня ледяной иглой, оставив после себя колючий озноб. Я глубоко вздохнула и закрыла глаза, вглядываясь в предрасветную дымку за окном - будто там, в робком свете наступающего дня, таилась хоть капля покоя. В этой бесконечной борьбе со сном и кошмарами я чувствовала себя пленницей собственных воспоминаний: они оплели меня, словно лианы, не давая сделать и шага вперёд. Поняв, что уснуть уже

не получится, я направилась, в ванную разделась, и включила воду. Села в ванной под струи прохладной воды, но он не принёс облегчения - слёзы покатались по щекам, смешиваясь с каплями воды. Я так устала. Всё навалилось разом: изматывающие кошмары, хронический недосып, неожиданный приезд родителей, предстоящее общение с ними. А ещё сегодня должен приехать парень Джейн со своим другом - и это была возможность, познакомиться с кем то и завести может быть друзей. Но, мои мысли невольно вернулись к Энди. Он такой красавчик.... Тот момент, когда он почти меня поцеловал, до сих пор горел в памяти. Но у него есть жена. Может, они разводятся? Нет, я же видела их на складе - между ними явно пылающая страсть, и тот секс, что я успела, увидеть это уж точно был, как жаркий огонь.

«О чём я вообще думаю? - мысленно одёрнула я себя. - И когда я стала той, кто готов увести чужого мужа?»

Я прикрыла глаза и вытерла слёзы. Хватит. Я должна его забыть. Сегодняшнего дня я навсегда его забуду! Размышления разъедали меня изнутри, словно едкая кислота. Больше я не могла оставаться в душе - нужно было двигаться дальше.

«Надо поговорить с Энди, - решила я. - Извиниться. Всё это было необдуманно. Это была не я». Но тут же замерла, пронзённая вопросом: *«А когда я в последний раз была собой по-настоящему?»*. Подойдя к зеркалу, я вгляделась в своё отражение. Знакомый взгляд, новые царапины на коже - они уже не вызывали удивления, став частью повседневно-

сти. Я приняла это как неизбежность. Механически обработав раны, завершила утренние процедуры. Экран телефона показал семь часов - почти два часа я провела в ванной, потерявшись в мыслях.

Выйдя, я подошла к шкафу и надела привычные: чёрные джинсы, белый топ, сверху - клетчатую красную рубашку. У зеркала поправила волосы, распустила их, нанесла на губы бальзам - вот и всё, я готова встретить этот день. Задержавшись взглядом на своём отражении, я невольно прикоснулась к ключику, висевшему на шее. Я не помнила, как он у меня появился. Тысячи раз перебирала в голове моменты, цеплялась за обрывки, даже спрашивала Джейн - без толку. Она лишь пожимала плечами. Но в тяжёлые минуты этот маленький металлический предмет становился моим якорем - я вертела его в пальцах, чувствуя, как успокаивается дыхание.

Звук захлопнувшейся входной двери заставил меня выйти из комнаты. Я замерла у края лестницы, наблюдая за вошедшими родителями. Внутри закипала злость, смешиваясь с глухой раздражённостью: мама едва заметно улыбнулась, а отец оставался бесстрастным - словно каменное изваяние, холодное и далёкое. Неожиданно за моей спиной, будто призрак, появилась Джейн. Её облик поразил меня до глубины души: ни тени эмоций на лице, будто кто-то подменил мою сестру. Она медленно спускалась по лестнице - в тёмно-синих джинсах и серой водолазке, закрывавшей горло, с воло-

сами, убранными в строгий хвост.

Я впервые видела её такой. Обычно Джейн распускала локоны, порой вплетая в них цветы, а джинсы? Она их вообще никогда не носила - только юбки и платья всех цветов радуги. Сейчас же передо мной была словно серая тучка, потерявшая краски. Поприветствовав родителей, сестра молча направилась на кухню. Те, казалось, вовсе не заметили её - прошли мимо, без слов направившись в зал. Я потрясённо встряхнула головой и последовала за Джейн. Опершись на дверной косяк, я внимательно наблюдала за сестрой, сердце сжималось от тревоги - я впервые видела её в таком состоянии. Она механически готовила завтрак: налила воду в чайник, достала варенье из холодильника. Даже выбор блюд говорил сам за себя - простые бутерброды с вареньем, лишённые привычной заботы и внимания к деталям, а она любила сделать всё красиво и вкусно.

- Джейн, ты в порядке? - спросила я, не скрывая беспокойства.

Она подняла глаза - взгляд был равнодушным, отстранённым.

- Да, а почему должно быть что-то не так, Грейс? - ответила она, ставя передо мной чашку ромашкового чая и бутерброд.

Я решила не настаивать - не хотела ещё больше ранить её. Доев и допив чай, я повернулась к сестре:

- Спасибо. А теперь нам нужно подумать, что будем гото-

вить. Было бы неплохо пройтись по магазинам и купить всё необходимое.

Она легонько улыбнулась и согласилась с моим планом. И правда, это была отличная идея: так мы могли ненадолго отвлечься, отложить тяжелый разговор с родителями на потом - и дать себе время собраться с мыслями перед предстоящим событием. В глубине души я гордилась сестрой. Её решимость восхищала: пусть даже это решение далось ей нелегко, она нашла в себе силы не прятаться от проблем, а встретиться с ними лицом к лицу. В этот момент я особенно остро почувствовала, как сильно её люблю и уважаю.

Мы составили подробный список продуктов - и наш день вдруг превратился в настоящее приключение. Полдня в торговом центре пролетели как один миг, наполненный радостью и лёгкостью. Как только мы вошли в центр, наше утро началось с уютного завтрака в маленькой кафешке: горячая каша и ароматные булочки с корицей подарили нам заряд бодрости. Затем начался увлекательный поход по магазинам. Мы с энтузиазмом выбирали продукты для сегодняшнего ужина - каждая покупка становилась маленьким праздником, корзины быстро наполнялись яркими упаковками, свежими овощами и деликатесами. Не забывая о главном, мы уделили время и выбору украшений к нарядам: броши, серьги, ленты - каждая деталь имела значение, и мы с удовольствием погружались в этот творческий процесс. К полудню усталость дала о себе знать, но это была приятная усталость -

от насыщенного дня, полного смеха и совместных решений. Мы остановились на обед, наслаждаясь тишиной и возможностью перевести дух.

Вернувшись, домой, я почувствовала, что силы на исходе. Решив вздремнуть перед приходом гостей, я направилась в свою комнату. А Джейн тем временем отправилась на кухню. Как же мы были разные! Она обожала колдовать над блюдами, превращая обычные продукты в настоящие кулинарные шедевры. Её руки творили магию: ароматы специй, чёткие движения, вдохновение в глазах. А я могла разве что приготовить что-то простенькое - её талант казался мне волшебством, настоящей магией, в которой я пока не разбиралась.

Зайдя в комнату, я поставила пакеты с вещами перед кроватью и, не раздеваясь, опустилась на неё. Едва я закрыла глаза, тишину нарушил лёгкий, почти робкий стук в дверь - это была Джейн.

- Можно войти? - спросила она, осторожно просовывая голову в щель.

Я улыбнулась и кивнула. Сестра вошла, держа в руках кружку. Уютный аромат мгновенно наполнил комнату теплом - она принесла ромашковый чай.

- Ммм - не смогла сдержать улыбки я, вдыхая знакомый запах.

Джейн подошла ближе и поставила кружку на тумбочку рядом с кроватью.

- Я пойду готовить, а ты поспи - Она наклонилась и нежно

поцеловала меня в лоб, затем медленно направилась к двери. У самого порога остановилась и обернулась: - Выпей чай с ромашкой - будет легче уснуть.

Я отпила половину кружки и перевела взгляд на окно. В душе шевельнулась горькая мысль: чашка чая с ромашкой не способна исцелить душевные раны или прогнать ночные кошмары, которые уже много ночей преследуют меня в темноте. Тяжело вздохнув, я легла на подушку. Усталость взяла своё: едва коснувшись головой подушки, я мгновенно погрузилась в глубокий сон, надеясь, что он принесёт хотя бы немного покоя:

«Лес окутал меня тьмой, но мерцающие огоньки на деревьях прокладывали призрачную дорогу сквозь сумрак - словно кто-то специально зажгёт их для меня. Я не понимала, как оказалась здесь: место было совершенно незнакомым, чужим, но в то же время странно притягательным.

Оглядев себя, я замерла от неожиданности. Впервые за всё время моих снов одежда отличалась от той, в которой я засыпала. Вместо привычных джинсов и белого топа на мне было изящное белое платье - лёгкое, воздушное, удивительно мне идущее. Оно будто было создано специально для этого места.

Эта деталь заставила меня задуматься. Такого платья у меня никогда не было, и я не припомню, чтобы когда-либо покупала подобные наряды. Но мои размышления прервал внезапный холодок, пробежавший по спине.

Обернувшись, я увидела её.

Она была одета в такое же платье, как и я, но выглядела иначе. Её волосы, обычно струящиеся чёрным водопадом, были уложены мягкими волнами. За все четыре года, что я помнила её, я ни разу не видела Розали с такой причёской. Лицо оно было другим - идеальным, словно с ней никогда не случалось той трагедии. Но что-то было не так.

Её глаза. Те, что я всегда считала голубыми, оказались серыми - холодными, отстранёнными. Присмотревшись внимательнее, я поняла: эта девушка совсем не похожа на Розали, несмотря на внешнее сходство. В ней не было той живой энергии, того тепла, что всегда исходило от моей подруги.

Она медленно приближалась ко мне. Странное чувство спокойствия, почти умиротворения, охватило меня - будто все, наконец, встаёт на свои места. Когда мы оказались лицом к лицу, она протянула руку и коснулась моего лица.

На мгновение я закрыла глаза, убеждая себя, что это Розали касается меня - та, кого я так долго ищу во снах. Но когда я вновь взгляделась в её черты, сомнения вернулись. Она была похожа на мою подругу, но эти чужие серые глаза не несли в себе той теплоты, той родственной души.

Она молчала, лишь улыбалась - мягко, но безжизненно. А потом, прежде чем пропасть, оставив меня в пустоте, когда земля разверзлась под моими ногами, она прошептала: «Скоро всё встанет на свои места, только верь».

Её слова эхом отозвались в моей голове, оставляя после себя странное чувство»

Проснувшись, я первым делом внимательно осмотрела себя. На мне были привычные джинсы и топ - никаких следов того загадочного белого платья, будто его и не было. Более того, на руке, которую, как мне казалось, я ушибла при падении во сне, не оказалось ни царапины, ни даже лёгкого синяка. Это открытие поразило меня до глубины души: сон был таким реальным, а реальность - такой беспощадно чёткой. Взглянув на часы, я ожидала увидеть, что прошло всего несколько минут после засыпания. Но реальность превзошла все ожидания: я проспала целый час! Целый час непрерывного сна - это было невероятно. За последние шесть месяцев такое случилось впервые. На часах было пять часов вечера - день уже клонился к закату, окрашивая окна в тёплые оттенки.

С улыбкой на губах, окрылённая этим маленьким чудом, я встала и, решив не придавать особого значения странному сну, спустилась вниз, в зал. Радость наполняла меня, словно воздушный шар, но она мгновенно лопнула, стоило мне увидеть печальную картину перед собой. Отец, как обычно, сидел в кресле и сосредоточенно что-то печатал на ноутбуке, полностью погружённый в свой мир. Мама разговаривала по телефону, рассеянно водя взглядом по комнате. А, напротив, в кресле, застыла Джейн. Её взгляд был пустым, от-

решённым, будто она находилась где-то далеко отсюда. На столе перед ней остывал чай с печеньем - нетронутый. При моём появлении сестра попыталась выдавить улыбку, но она получилась вымученной. Я присела на краешек кресла рядом и взяла её руку в свою, чувствуя, как дрожат её пальцы - едва заметно, но ощутимо.

- Мам, пап, какие у вас планы? - спросила я, изо всех сил надеясь на нормальный семейный разговор, на то тепло, которого нам так не хватало.

Тишина повисла в воздухе, густая и тяжёлая. Только через пять мучительно долгих минут мама отложила телефон. Папа же продолжал печатать, будто нас здесь и не было - его пальцы стучали по клавишам с монотонной ритмичностью метронома.

- Доченьки, мы решили, что останемся до вторника, потому что вечером нужно будет уехать. Так что завтра проведём время вместе. А сейчас нам нужно вас оставить, - произнесла мама с усталой ноткой в голосе, будто каждое слово давалось ей с усилием. Её слова потрясли нас. Папа молча поднялся и, даже не взглянув в нашу сторону, вышел из комнаты. Мама последовала за ним, бросив лишь слабую, вымученную улыбку - будто пыталась изобразить заботу, но сил на это уже не осталось.

- И это всё? Просто встать и уйти? - в голосе Джейн звенела злость и обида, прорвавшаяся сквозь сдержанность.

Но мама лишь тихо прошептала «извини» и хотела сделать

шаг к двери, но её остановил голос Джейн - твёрдый, холодный, непривычно жёсткий:

- Сегодня придет мой парень, и я надеюсь, вы проявите хоть немного уважения и поприсутствуете на ужине, - сказала сестра.

Мама на мгновение замерла, затем кивнула и молча покинула комнату. Я чувствовала злость Джейн, её боль - и лишь тяжело вздохнула, не находя слов.

- Как можно оставаться спокойной после такого, Грейс? - возмущённо спросила Джейн, её голос дрожал от сдерживаемых эмоций и обиды.

Я не находила слов. Молча взяла печенье, не зная, что ответить, лишь пожалала плечами и села на диван. Жуя печенье, я уставилась в одну точку, пытаюсь собрать в кучу разлетевшиеся мысли.

- Знаешь, нам нужно уже готовиться. Давай займёмся этим? - предложила я, отчаянно пытаюсь найти хоть какую-то опору в предстоящем вечере, зацепиться за что-то реальное.

Джейн удивлённо посмотрела на меня, в её глазах мелькнуло что-то - не то сомнение, не то благодарность. Она ничего не сказала. И мы разошлись по своим комнатам, каждая унося с собой груз, чтобы начать готовиться к вечеру, который обещал быть непростым.

Время близилось к семи вечера. Мы с Джейн, прежде чем

нарядиться, спустились вниз и накрыли на стол. Сестра проверила курицу, запекавшуюся с овощами, - аромат розмарина и тимьяна наполнил кухню, напомнив о временах, когда мы готовили вместе просто ради удовольствия. Затем мы поднялись наверх, чтобы завершить приготовления.

Майский вечер мягко проникал в комнату через приоткрытое окно, принося с собой свежесть и едва уловимый аромат цветущей сирени. Я любовалась своим отражением в зеркале. На мне было платье, изящно облежавшее фигуру, подчёркивая линии, но, не сковывая движений. Алым цветом я подчеркнула губы - яркий акцент, словно вызов серости последних дней. Стрелки и тушь выделили глаза, добавив им блеска и скрывая следы бессонных ночей. Я закрутила волосы в лёгкие локоны и собрала их наверх, закрепив блестящими заколками. В зеркале я увидела себя - фарфоровую куклу: хрупкую, почти безжизненную, готовую рассыпаться от малейшего прикосновения. Будто я умерла, но не до конца. В этом образе было что-то тревожное, почти театральное - словно я играла роль, которую сама себе назначила.

Дверь приоткрылась с тихим скрипом. В отражении появилась Джейн - живой контраст моей бледности. Её платье, словно воплощение нежности, облегалo фигуру, подчёркивая изящество. Бирюзовый оттенок ткани переливался в свете ламп, создавая ощущение свежести и утонченности. Выразительный вырез подчёркивал декольте, а длинные рукава с рюшами на манжетах добавляли образу изысканности. Она вы-

глядела так, будто сошла со страниц модного журнала - естественная, уверенная, полная жизни.

- Ты - она запнулась, глядя на меня с восхищением, в её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти ностальгическое.

Я улыбнулась, чувствуя, как её взгляд наполняет меня теплом, прогоняя холод, сковывавший душу. Мы обе были удивлены - но в этом удивлении было что-то большее, словно мы на мгновение вернулись в прошлое, когда всё было проще, светлее, когда мир казался добрым и понятным.

- Готова к нашему спектаклю? - я закусила губу, ощущая волнение от предстоящей встречи. Слова прозвучали легко, но за ними скрывалась тревога - мы обе знали, что вечер будет непростым.

Джейн шагнула ближе и поправила выбившуюся прядь моих волос. Её пальцы пахли ванилью и корицей - точно как тогда, в детстве, когда мы вдвоём пекли печенье, а мама и папа ещё были с нами, и мы были дружной семьёй. Этот запах мгновенно перенёс меня в те дни - беззаботные, солнечные, полные смеха и объятий.

- Оказывается, они привезли нам подарки, - прошептала она, глядя куда-то за моё плечо. - Louis Vuitton. Ограниченная коллекция.

Я посмотрела на нее, и рассмеялась - искренне, почти беззаботно. Она подхватила мой смех, и на мгновение мы снова стали теми девочками, которые верили, что мир добр и справедлив. Честно говоря, эти подарки были нам совершенно не

нужны. В них не было ни любви, ни заботы - лишь попытка загладить вину без слов. Какой смысл в дорогих вещах, если они не могут вернуть тех месяцев, когда родителей не было рядом? Как можно просто вернуться после стольких месяцев молчания, будто ничего и не произошло, будто мы не ждали их внимания, их тепла, их простых «*доброе утро*» и «*я тебя люблю*»?

Мы переглянулись, и в этом взгляде было всё: и горечь, и понимание, и тихая решимость не позволить прошлому сломать нас.

- Слушай, а может, испечём пирог? - предложила я, чувствуя, как дрожат пальцы. - С малиной. Как с Розой

Её ладонь внезапно сжала мою. Холодное кольцо с аметистом - подарок на шестнадцатилетие - слегка впилося в кожу.

- Только если добавим больше рома, - голос Джейн дрогнул, словно приоткрывая тайную дверь в прошлое.

Эти слова стали паролем - магическим ключом, мгновенно перенёсшим нас в те незабываемые дни с Розой. Перед глазами вспыхнули яркие картины: вот Роза, хитро прищурившись, склоняется над тестом; вот мы с Джейн обмениваемся заговорщическими взглядами, понимая друг друга без слов:

«- Эй, в этом пироге чего-то не хватает», - смеясь, говорила Роза, и её голос звенел, как серебряный колокольчик.

«- И чего же?» - интересовалась я, аккуратно добавляя

капли шоколада и малины, будто создавала не десерт, а произведение искусства.

«- Ммм, может, корицы? Ну, или ванили?» - подкидывала идеи Джейн, и глаза её светились предвкушением. Роза покачала головой и с коварной улыбкой повернулась к мини-бару.

«- Вот!»

«- Что это? Ром? Ты серьёзно?» - удивилась я, не в силах скрыть изумление.

«- Да, почему бы и нет?» - и с этими словами она добавила пять ложек рома.

Мы заливались смехом, наблюдая за этим маленьким бунтом против кулинарных правил. Воздух наполнялся ароматами малины, шоколада и пряного рома, а в сердце расцвела радость - чистая, беззаботная, почти детская. Пирог получился невероятным: пьянящим, как воспоминания о тех днях, тёплым, как объятия дружбы, сладким, как моменты, которые хотелось остановить навсегда. И сейчас, вспоминая это, я невольно улыбнулась - на губах будто остался вкус того самого пирога, а в груди разливалась тихая, светлая грусть. Джейн нежно поцеловала меня в щёку и направилась на кухню - готовить пирог. Движения её были лёгкими, почти танцующими, словно она тоже вернулась в то время, когда всё было проще. Пирог готовился быстро - сегодня никто не уйдёт без десерта. Я осталась у зеркала. Взгляд скользнул по моему отражению: усталость оставила лёгкие тени под гла-

зами, морщинки у губ стали заметнее. Но в глубине души теплилась надежда - хрупкая, но живая. Надежда на то, что эти моменты, эти воспоминания, эти тёплые связи останутся с нами навсегда. Как сладкий вкус того самого пирога с ромом. Как обещание, что дружба сильнее времени....

Глава 6

«Грейс».

Вечер.

Парни должны были приехать в восемь, но часы неумолимо показывали 20:10. Они опаздывали. В глубине души я убеждала себя, что всему виной городские пробки - наверняка они задержали ребят совсем ненадолго. Единственное, чего мне сейчас совершенно не хотелось, - спускаться вниз. Там, в гостиной, сидели родители, и было очевидно: они не готовы выслушивать очередные упрёки и недовольства. А мне спрашивать, почему они так поступили. Вздохнув, я в последний раз окинула взглядом своё отражение в зеркале и вышла из комнаты.

Медленно спускаясь по лестнице, я невольно бросила взгляд на зеркало в прихожей. В нём отразилась я - в алом платье, которое словно бросало дерзкий вызов всему миру. Его насыщенный, почти огненный цвет будто спорил с солнечным светом, пробивавшимся сквозь окна, - словно спрашивал у него: *«Как ты смеешь сиять, когда её больше нет?..»*

Я погрузилась в эти мысли и не заметила, как из кухни вышла Джейн.

- Пирог готов Грейс, ты как? - тихо спросила сестра, сразу уловив грусть на моём лице.

- Всё замечательно, - я попыталась выдавить улыбку.

Джейн, конечно, заметила мою ложь, но тактично промолчала - видимо, её собственное настроение тоже не располагало к разговорам. Нам обеим не хотелось заходить в зал и общаться с родителями: в этот день слова будто потеряли смысл, а тишина казалась единственно возможным языком. В моей голове то и дело всплывали воспоминания - тяжёлые, удушающие, словно невидимая рука сжимала горло. А пирог, он уже не казался просто десертом. Для меня он превратился в слоёный монумент нашей утраченной гармонии - символ трёх сестёр, которых судьба больше никогда не соберёт вместе за одним столом.

Джейн, посмотрев на меня, лишь мягко улыбнулась - она не стала допрашивать, не стала лезть в душу. Вместо этого сестра просто взяла меня за руку, и мы направились в зал. Но наши улыбки мгновенно растаяли, стоило нам услышать мамин смех - искусственный, отрепетированный, будто записанный на плёнку для чужих ушей. Рядом монотонно стучали отцовские пальцы по клавишам ноутбука, выстукивая очередное послание миру, в котором, похоже, не находилось места для его собственных дочерей. Мы обе тяжело вздохнули и шагнули в просторный зал, совмещённый со столовой. В нос ударил аромат приготовленных блюд, а праздничный стол ломился от изысканных угощений. Но в этой атмосфере отчуждения вся еда казалась безвкусной. Всё выглядело как красивая декорация, за которой скрывалась зияющая пусто-

та. Родители даже не повернулись в нашу сторону, когда мы вошли. Рядом с ними на кофейном столике стояла элегантная коробочка с надписью «Ladurée» - их заменитель любви, молчаливый способ показать заботу без единого слова.

Засмотревшись на эту картину, я не сразу заметила, как Джейн подошла к столу и налила себе бокал вина. Я поняла её в этот момент.

- Они опоздают, - неожиданно бросила мама, не отрываясь от своего отражения в зеркальце и небрежно поправляя помаду.

Я вздрогнула от неожиданности.

- Ваши молодые люди, - продолжила она, кивнув в сторону Джейн. - Увидела у тебя в телефоне, что ты оставила, они написали, что пробки в городе.

Безысходность накатила волной: ещё полчаса в этой гнетущей атмосфере. Я подошла к столу, налила себе бокал вина и улыбнулась Джейн - той самой улыбкой, за которой пряталась усталость. Сестра стояла без эмоций, явно не радуясь происходящему. Я приобняла её за плечи и поцеловала в висок. В ответ она лишь тяжело вздохнула - и этот вздох, казалось, вобрал в себя всю тяжесть момента.

Спустя полчаса в дверь наконец-то позвонили. За это время Джейн то и дело бегала на кухню - проверить, не остыло ли горячее. Я же допивала второй бокал вина, чувствуя, как жар разливается по щекам, а напряжение последних минут

понемногу отпускает.

Звонок прозвучал резко, будто освобождая нас из невидимой клетки. Джейн подскочила с места так стремительно, что я едва не расплескала вино на своё платье. Она метнулась к двери, а я осталась на мгновение одна - и слабо улыбнулась, с облегчением осознавая: эта гнетущая тишина, это тягостное молчание наконец-то прервётся. За всё время, что мы провели здесь, родители не сказали ни слова. Мы с Джейн тоже не пытались с ними заговорить - знали: любые наши вопросы встретят уклончивые ответы, а разговоры уйдут в сторону, словно по заранее отрепетированному сценарию. Я встала и последовала за сестрой. Опершись на дверной косяк, я увидела трогательную сцену: Джейн с жаром целовала своего парня, а он, судя по всему, был этому искренне рад.

Мой взгляд невольно скользнул по его рукам - сильным, уверенным, несмотря на строгий костюм, явно сшитый на заказ. Но больше всего меня зацепила татуировка в виде молний на костяшках правой руки - она подчёркивала рельеф вен, делая жест ещё более выразительным. Именно этой рукой он только что нежно убрал непослушную прядь с лица Джейн. Его внешность поражала безупречностью: светлые волосы, будто подсвеченные закатным солнцем, окружали голову золотистым ореолом. Строгий чёрный костюм подчёркивал статную осанку, а на запястье поблёскивали золотые часы - настоящее произведение швейцарского мастерства.

Оторвавшись от созерцания влюблённой пары, я заметила за их спинами второго гостя. Пора было прервать эту идиллию.

- Кхм, - негромко кашлянула я, давая знать о своём присутствии.

Джейн и её парень оторвались друг от друга с лёгкой улыбкой. Сестра посмотрела на меня взглядом, полным счастья - таким искренним, таким живым, что я невольно ответила ей улыбкой.

- Сестрёнка, - нежно произнесла Джейн, - хочу представить тебе своего парня, Алекс.

Он шагнул вперёд, всё ещё бережно держа Джейн за руку, и протянул мне свободную ладонь. Его улыбка была тёплой и искренней - такой, от которой невольно хочется улыбнуться в ответ.

- Приятно познакомиться, хотя, признаться, мы уже встречались, - начал он, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти неуловимая грусть. - Я бывал здесь не раз - поддерживал вас обоих в трудные времена. Возможно, ты не помнишь меня, но я очень рад, что ты пришла в себя.

Его слова пронзили меня до глубины души. В этой простой фразе оказалось столько искренней заботы и участия, что к горлу подступил ком, а в груди разливалась волна благодарности.

- Спасибо тебе, - произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Спасибо за то, что был рядом с нами особенно с

моей сестрой, когда ей так нужна была поддержка.

Я посмотрела на Джейн - её глаза светились счастьем, а на губах играла безмятежная улыбка. Алекс мягко улыбнулся в ответ, и эта улыбка, казалось, согрела всё вокруг. В тот момент я отчётливо поняла: Джейн сделала правильный выбор. Рядом с ним она была в надёжных руках.

- А теперь позвольте представить вам моего друга Генри, - продолжил Алекс, оборачиваясь к молчаливому спутнику, который до этого момента оставался в тени.

А после я, наконец, обратила внимание на молодого человека, стоявшего рядом с Алексом, - и моё сердце замерло на долю секунды, будто мир вокруг вдруг остановился. Я не могла отвести взгляд от незнакомца, стоявшего напротив.

Его серо-зелёные глаза были глубокими, как тёмные изумруды, пронизывающими насквозь - они словно заглянули в самую душу и заставили затрепетать. Тёмные волосы, будто нарисованные углём, изящно обрамляли лицо с точёными чертами: чёткий подбородок, высокие скулы, лёгкая тень небритости, придававшая облику дерзкий шарм. Он тоже рассматривал меня - не спеша, внимательно, будто изучал каждую черту. В этом молчаливом обмене взглядами было что-то почти осязаемое: напряжение, притяжение, едва уловимая опасность. Я ловила себя на мысли, что изучаю его, как хищник изучает добычу, - не в силах оторваться, заворожённая его аурой. Мой взгляд скользнул ниже - к руке, украшенной масштабной татуировкой, чьи узоры таинствен-

но исчезали под тканью рубашки. Длинные пальцы, тонкие и сильные одновременно, казалось, были созданы для того, чтобы касаться, ласкать, дарить наслаждение. Каждое его движение дышало грацией хищника - сдержанной, расчётливой, готовой в любой момент сорваться в стремительном прыжке.

Внезапно я осознала, что мы не одни, и, словно очнувшись от наваждения, протянула руку:

- Приятно познакомиться, - прошептала я тише, чем намеревалась, чувствуя, как голос дрожит от волнения.

Когда его пальцы коснулись моих, по телу пробежала электрическая волна, кожу покрыли мурашки. Этот простой жест словно открыл портал в иной мир - где существовали только мы двое, где время остановилось, а реальность растворилась в водовороте новых, незнакомых ощущений. На мгновение я забыла обо всём: о родителях, о Джейн, о гнетущей атмосфере вечера - остался лишь он и это странное, всепоглощающее притяжение. С огромным усилием я заставила себя отпустить его руку и перевести взгляд на влюблённую пару. Они были так поглощены друг другом, что, казалось, даже не заметили той бури, что разразилась внутри меня при встрече с этим парнем.

И словно по инерции, чуть громче обычного, я произнесла:

- Думаю, пора садиться за стол.

Поворачиваясь в сторону гостиной, я чувствовала, как

мысли кружатся в голове безумным вихрем - налетают одна на другую, путаются, не дают сосредоточиться. Особенно отчётливой была мысль о том, что я угодила в ловушку собственных чувств, даже не успев понять, как это произошло. Каждый шаг отдавался в сердце глухим эхом, а в ушах всё ещё звучали отголоски того момента, когда наши руки соприкоснулись. Я понимала: этот вечер навсегда изменил мою жизнь. От этой мысли становилось одновременно страшно и волнующе - как перед прыжком в неизвестность, где нет пути назад.

Сев за стол, мы, наконец, присоединились к родителям - и они присоединились к нашей компании. Вечер тек размеренно и спокойно, и это удивляло меня до глубины души. Даже родители вели себя непринуждённо: оживлённо болтали, делились забавными историями, смеялись. Я слушала и не могла поверить своим ушам - словно этих шести месяцев разлуки и не было вовсе. Будто они никуда не уезжали, не оставляли нас одних. Папа с неподдельным интересом расспрашивал Алекса о его увлечениях и планах на будущее. Мама поддерживала разговор, вставляла шутки, и её смех звучал так естественно, что на мгновение мне показалось: всё вернулось на круги своя. Со стороны этот вечер выглядел совершенно обычным - таким, какие бывают в счастливых семьях, где нет недосказанности и обид.

Генри тоже не остался без внимания: его засыпали вопросами о работе, путешествиях, взглядах на жизнь. Но я слов-

но находилась в другом измерении - не слышала ни единого слова. Всё моё внимание было приковано к нему. Каждый раз, когда я украдкой бросала взгляд в его сторону, он смотрел на меня и слегка улыбался - даже когда отвечал на очередной вопрос отца. Его взгляд будто окутывал меня невидимой пеленой, затягивал в волшебный омут грёз, где не было места реальности.

Внезапно из этого зачарованного мира меня вырвал голос Джейн - я даже вздрогнула от неожиданности.

- Грейс, - мягко произнесла сестра, - Алекс, спросил, чем ты занимаешься, и я подумала, что лучше будет, если ты сама ему расскажешь. А то весь вечер витаешь в облаках Грейс, у тебя всё в порядке? - в её голосе звучало искреннее беспокойство.

- Эмм. Да, конечно, просто немного задумалась, - ответила я с натянутой улыбкой, пытаюсь собраться с мыслями. - Я работаю помощницей главврача и параллельно учусь в институте.

- Это здорово - начал, было, Алекс, но я не дала ему договорить.

- Извините, мне нужно выйти подышать воздухом, - с вымученной улыбкой я поднялась со своего места.

Приоткрыв балконную дверь, я вышла наружу и глубоко вдохнула прохладный вечерний воздух. Он обжёг лёгкие, но принёс долгожданное облегчение. Мне срочно нужно было глотнуть свежести, привести в порядок мысли, которые вих-

рем кружились в голове, сталкиваясь, переплетаясь, не давая сосредоточиться. В груди всё ещё билось то странное чувство - смесь тревоги и восторга, - а перед глазами стоял его взгляд, его едва заметная улыбка, которая, казалось, была предназначена только мне.

На улице приятно дул лёгкий прохладный ветерок - такой, что сразу вспомнились вечера, когда мы втроём сидели здесь, задрав головы к небу, и смотрели на звёзды. Сегодняшний день удивил меня до глубины души - я всё ещё не могла понять, что произошло. Что случилось с родителями? Почему с парнями они были такими общительными и открытыми? На один вечер они словно снова стали *нашими* родителями - теми, кого мы помнили всего лишь полгода наз. Может, они, наконец, осознали, что потеряли, и теперь пытались так неуклюже извиниться за месяцы молчания, за то, что совсем не интересовались нами?

Но я оставалась настороженной - так просто такие перемены не происходят. Их искренние улыбки, льстивые комплименты - всё это проносилось мимо, не оставляя следа в моём сознании. Я не могла в это поверить. В глубине души я ждала подвоха, какого-то резкого поворота, который разрушит эту хрупкую идиллию.

Однако сегодня меня тревожило ещё кое-что. Моё внимание, словно магнит, неумолимо притягивал Генри. Я никогда прежде не испытывала ничего подобного - не теряла

голову из-за парня, не ловила себя на том, что мысли снова и снова возвращаются к одному человеку. Его присутствие окутывало меня невидимым вихрем, заставляя сердце биться чаще, а дыхание - сбиваться. Я ловила себя на том, что не могу оторвать от его взгляда, что каждая клеточка моего существа тянется к нему, будто тянется к источнику тепла в морозную ночь.

И когда я, наконец, решила отогнать эти мысли, выбросить его образ из головы хотя бы на минуту

- Прекрасный вечер, - его низкий голос, глубокий и бархатистый, словно удар молнии, вырвал меня из размышлений. *О нём.*

Я резко обернулась. Генри стоял в дверном проёме, силуэт его вырисовывался на фоне тёплого света из гостиной. Он смотрел на меня - спокойно, но с каким-то едва уловимым интересом, будто знал, о чём я только что думала. Его голос, такой близкий и в то же время чужой, вызвал во мне странное, неизъяснимое чувство - будто что-то внутри дрогнуло и потянулось навстречу. Я даже не заметила, как он оказался так близко. Рассматривая его я невольно залюбовалась, каждым его движением - так, словно никогда прежде не видела людей. В нём было что-то завораживающее: пластика, уверенность, едва уловимая небрежность. Он достал из кармана брюк пачку сигарет, неторопливо вынул одну и закурил. Я смотрела замороженно, не в силах оторвать глаз, - словно он приворожил меня с первого взгляда, без слов, без объяс-

нений.

Сигаретный дым смешивался с изысканным ароматом его парфюма - древесные ноты с лёгкой горчинкой - и создавал вокруг нас какой-то пьянящий туман, отделявший нас от остального мира. Он стоял так близко, что я отчётливо чувствовала тепло его тела, и эта близость лишала меня способности мыслить здраво. Каждая клеточка моего существа трепетала в его присутствии, а сердце билось неровно, сбиваясь с привычного ритма. Я не могла понять, что со мной происходит, - будто всё вокруг потеряло смысл, кроме этого мгновения. Когда он затушил сигарету и повернулся ко мне, время словно остановилось. В его серо-зелёных глазах, глубоких, как горные озёра, отражалась целая вселенная чувств - загадочная, манящая, непостижимая. Я утонула в их бездонной глубине, забыв, как дышать.

Его пальцы невесомо скользнули по моей щеке, аккуратно убирая непослушную прядь волос, а затем медленно опустились к губам. Этот простой, почти неощутимый жест заставил моё сердце на мгновение замереть - а потом забиться с бешеной скоростью, отдаваясь гулом в висках.

- Выглядишь просто великолепно, - прошептал он.

Его дыхание, тёплое и трепетное, коснулось моих губ, и в этот миг земля словно ушла из под ног. Я почувствовала, как растворяюсь в его присутствии - как всё вокруг теряет чёткие очертания, а на первый план выходят ощущения: тепло его руки, запах дыма и парфюма, глубина его взгляда. Я отчёт-

ливо понимала: нужно отступить, оттолкнуть его, восстановить дистанцию. Разум кричал об осторожности, напоминал, что я едва знаю этого человека. Но тело словно перестало подчиняться - оно жило по своим законам, а сознание, будто устав от борьбы, распахнуло все шлюзы перед нахлынувшими чувствами. Опасность, исходящая от него, кружила голову сильнее любого вина. Хотя вряд ли три бокала могли вызвать такое: эту дрожь в пальцах, жар на щеках, сбившееся дыхание. Какая-то неведомая сила, мощная и неудержимая, словно магнит, тянула меня к нему. Его близость будоражила кровь, а взгляд прожигал насквозь, добираясь до самых потаённых уголков души.

Когда я, наконец, осознала, что он что-то сказал мне, пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы выдать из себя хоть слово.

- Спасибо - прошептала я, пытаюсь изобразить улыбку, но она вышла слабой, дрожащей, как и всё моё существо в этот момент.

Не выдержав напряжения, я бросилась прочь с балкона - стремительно, почти панически. Ещё секунда - и я бы поддалась искушению, поцеловала его. Желание ощутить его губы было настолько острым, что голова начала кружиться, а в висках застучала кровь.

«Чёрт, да что это со мной?» - пронеслось в голове. Почему каждая клеточка моего существа кричала: «Останься!»? Почему нутро молило, чтобы этот миг не кончался? Я хоте-

ла запустить пальцы в его густые волосы, притянуть ближе и раствориться в поцелуе - без оглядки, без страха, без прошлого и будущего. Я чувствовала себя наивной школьницей, впервые познавшей чувство влюблённости: когда от одного взгляда замирает сердце, мысли путаются, а мир вокруг становится ярче и нереальнее одновременно. Но это было нечто большее - не просто подростковая увлечённость. Это было наваждение: мощное, всепоглощающее, сметающее все преграды на своём пути, как ураган сметает сухие листья. Отбросив вихрь мыслей, я сделала шаг назад, затем ещё один - и выскользнула с балкона, унося с собой эхо его голоса, тепло его взгляда и странное, тревожное ощущение, что жизнь только что сделала резкий поворот, о котором я ещё не догадываюсь. Комната встретила меня непривычной тишиной - Алекса и Джейн нигде не было видно. Родители сидели поодаль, погружённые в свои телефоны, безразличные ко всему вокруг. На мгновение мне показалось, что весь вечер - лишь сон: балкон, его взгляд, тот миг на грани. Будто ничего этого не было.

Уже в коридоре я остановилась как вкопанная. Перед моими глазами открылась сцена: там стояла моя сестричка, горячо прощаясь с Алексом. Они тесно прижались друг к другу - так, будто боялись разомкнуть объятия хоть на мгновение. Их взгляды, полные нежности и тепла, говорили больше любых слов, а поцелуй был таким страстным, что казалось, весь мир вокруг перестал существовать. Я поймала себя на

мысли: если бы нас здесь не было, руки Алекса, вероятно, зашли бы гораздо дальше, чем осторожное прикосновение к талии Джейн. В этом было столько жизни, столько искренней страсти - и от этого на душе стало одновременно и тепло, и немного тоскливо.

Я уже собиралась тихо развернуться и уйти, не желая нарушать их уединение, как вдруг из за угла появился Генри.

- Эй, братан,- с лёгкой, чуть насмешливой усмешкой произнёс он, - могли бы и уединиться в комнате. Или хотя бы дождаться, когда все уйдут спать.

- Завидуй молча, - бросил Алекс, поднимая глаза - счастливые, сияющие, с чуть припухшими красными губами. Он наклонился к Джейн и что-то прошептал ей на ухо.

Она ответила ему сияющей улыбкой. Генри лишь театрально закатил глаза, но в этом жесте не было ни капли злости - только добродушное подтрунивание.

- Девочки, всё было замечательно, но жаль, что мы не попробовали пирога, - обратился Алекс к нам.

- Ничего страшного, я вам его упакую, - тут же предложила Джейн. - Генри, ты будешь?

- Спасибо, но сегодня я откажусь, - вежливо отказался тот, слегка склонив голову.

Джейн, словно проворная птичка, метнулась на кухню и вскоре вернулась с контейнером, наполненным ароматным пирогом. От него доносился восхитительный запах. Она протянула контейнер Алексу, и тот принял его с благодарной

улыбкой.

Перед тем как парням уйти, Джейн вдруг схватила Алекса за руку и с озорной улыбкой потащила его на второй этаж. Я не смогла сдержать смеха - настолько это вышло спонтанно. В тот миг я была по-настоящему счастлива за сестру: видеть её такой живой, влюблённой, беззаботной - это согрело сердце. Через пару мгновений они спустились. Что они там делали, я не знала, но Алекс выглядел ещё счастливее, чем прежде: глаза блестели, на губах играла мягкая улыбка. Моё прощание с парнями вышло коротким, но запоминающимся. Алекс легко пожал мою руку - дружески, тепло, по-доброму. А вот Генри склонился, ко мне Его губы едва коснулись, тыльной стороны моей ладони - лёгкий, изысканный поцелуй, почти невесомое прикосновение. Но оно врезалось в память, как вспышка молнии в ночном небе.

Одновременно с этим он незаметно вложил в мою ладонь маленький клочок бумаги. Тот показался обжигающим - будто не лист, а кусочек пламени. Его взгляд - глубокий, проникновенный - обещал нечто большее: то, чего я одновременно жаждала всем существом и боялась до дрожи.

Его шёпот, тёплый и бархатистый, скользнул по моей коже:

- Вечер был просто восхитительным

Эти слова до сих пор звучат в моих ушах - словно мелодия, от которой замирает сердце и перехватывает дыхание. После того как они покинули квартиру, во мне осталось

странное ощущение: будто что-то забрали из глубины души, оставив там лёгкую пустоту. Мы с Джейн вошли в гостиную и увидели маму - она аккуратно убирала со стола, складывала тарелки, вытирала капли вина со скатерти. Папы нигде не было: видимо, он уже ушёл спать. Перед уходом в спальню мама обронила пару фраз о завтрашнем дне - сказала, что мы проведём его все вместе, - и после этого молча направилась в комнату. Её голос звучал ровно, почти отстранённо, и в этой обыденности сквозила какая-то недоговорённость.

Джейн, словно очнувшись от своего счастливого оцепенения, грустно улыбнулась и посмотрела на меня с немым вопросом в глазах.

- Всё будет хорошо, - прошептала я, крепко обнимая сестру. Я старалась вложить в эти слова больше уверенности, чем чувствовала сама, - но объятия получились искренними, тёплыми, поддерживающими.

В глубине души я понимала: этот вечер перевернул всё с ног на голову. Генри стал той опасной искрой, что могла воспламенить пороховой склад моего спокойствия. Его взгляд, его прикосновения, его шёпот - всё это оставило неизгладимый след в моей душе. Я не знала, как с этим справиться, не понимала, куда приведёт этот путь. И я не была уверена, что готова к тому огню, который он мог разжечь в моём сердце - к пламени, которое, кажется, уже начинало разгораться.

Глава 7

«Грейс».

Туманное утро встретило меня очередным кошмаром. Проснувшись в холодном поту, я долго лежала в постели, уставившись в потолок, и тщетно пыталась снова погрузиться в сон. Мысли о вчерашнем вечере, были тяжёлые, давили на сознание, не давая покоя. В памяти снова и снова всплывали его глаза - глубокие, серо-зелёные, словно горные озёра в пасмурный день. Я вспоминала татуировку, что уходила под рукав рубашки, и невольно гадала: где она заканчивается? Какие ещё тайны скрывает его кожа?

«Чёрт. Вот я и вляпалась», - мысленно призналась я себе. Подведя итог бессонной ночи, я с горечью осознала: я влюбилась в парня, едва его узнав. Влюбилась так, что сердце замирает при одном воспоминании, о его взгляде, о лёгком прикосновении, о шёпоте, от которого по коже бегут мурашки. Джейн, вчера измученная насыщенным вечером, молча ушла в свою комнату и почти мгновенно погрузилась в сон. А я долго не могла лечь - сидела на подоконнике, глядя на безмолвный ночной город. Его огни, обычно дарящие умиротворение, в ту ночь лишь подчёркивали моё внутреннее смятение. Они мерцали, как далёкие звёзды, но не могли согреть душу, охваченную тревогой. Как родители могут быть настолько безразличны к собственным детям? Неужели их

не терзает совесть за равнодушие? Возможно, для них это просто не имеет значения. Они живут в своём мире - где карьера, статус, внешние приличия важнее чувств собственных дочерей. Где переживания детей не играют никакой роли, словно мы - лишь декорация к их идеальной картинке жизни. Я - то со временем научилась принимать эту горькую правду. Научилась жить с этим грузом на сердце, прятать боль за маской спокойствия. Но Джейн её ранимая душа не смогла смириться с этой несправедливостью. Она слишком чувствительна, слишком чиста для этого жестокого мира, где искренность часто становится слабостью. И моё сердце до сих пор болит за неё - за её неспособность принять то, что я уже давно приняла.

Лежа в кровати и пытаясь уснуть хоть ненадолго, я проснулась, как обычно, в четыре часа. Полчаса я пролежала с открытыми глазами, глядя в темноту, тщетно пытаясь поймать ускользающую дремоту. Мысли кружились в голове, сталкивались, путались - образы вчерашнего вечера смешивались с давними обидами, создавая хаотичный вихрь. Решив, что дальше лежать бессмысленно, я встала и отправилась в ванную. Утренние процедуры, которые обычно занимали уйму времени, сегодня, на удивление, уложились всего в час - будто само время ускорилось, стараясь вырвать меня из плена раздумий.

Долгое время я откладывала спуск вниз, не чувствуя ни малейшего аппетита. Вместо этого взяла любимую книгу и

устроилась с ней на кровати. До двенадцати часов дня я погружалась в её страницы, позволяя словам уносить меня, прочь от реальности - в миры, где герои побеждали свои страхи, находили любовь и обретали счастье. Но время неумолимо шло вперёд. Желудок, устав от игнорирования, настойчиво напомнил о себе лёгким урчанием. К тому же в доме стояла такая гнетущая тишина, что она давила на уши, словно физический груз. Собравшись с духом, я спустилась вниз.

На кухне у плиты стояла мама, хлопоча над обедом. Её силуэт, склонившийся над плитой, вдруг открыл портал в прошлое. Воспоминания унесли меня на пять лет назад - в те дни, когда она ещё пекла нам печенье по выходным, смеялась над нашими шутками и обнимала перед сном. Тогда мир казался проще, а семья – настоящей:

«- Мама, смотри, у меня получилось! - радостно воскликнула Джейн, не скрывая своей гордости. Её глаза сияли от счастья - наконец-то ей удалось испечь свой первый идеальный блин! Сколько было неудачных попыток, сколько блинов было испорчено, но сегодня удача, наконец, улыбнулась ей.

Мама, заметив восторг дочери, тепло улыбнулась: - Молодец, доченька! А теперь давай выпекай ещё, а мы с Грейси пока приготовим начинки.

В этот момент в кухню вошёл папа. Его улыбка озарила всё вокруг. - Доброе утро, мои девочки! - произнёс он, и его голос был наполнен любовью и нежностью. Он присел за стол,

и мама заботливо подала ему чашку ароматного кофе.

Те дни казались теперь такими далёкими. Тогда папа был другим - улыбчивым, внимательным, он всегда находил слова поддержки и комплименты для своих дочерей. Он умел делать удивительные подарки, часто создавая их своими руками. Но сейчас всё изменилось. Тот жизнерадостный человек словно исчез, оставив после себя лишь тень - человека без эмоций, который, казалось, забыл, что мы его дочери».

Я с трудом отогнала непрощенные воспоминания и заставила себя вернуться к реальности.

- Доброе утро, мам. Что готовишь? - спросила я, стараясь говорить непринуждённо, чтобы голос не выдал той бури чувств, что бушевала внутри.

Мама лишь слабо улыбнулась в ответ - улыбка вышла какой-то вымученной, натянутой - и молча поставила передо мной тарелку супа. Я осторожно попробовала: вкус был ужасным, пресным, будто все краски и ароматы куда-то исчезли. Но я решила промолчать и лишь чуть отодвинула тарелку, стараясь не показывать разочарования. Казалось, мама совсем разучилась готовить - или просто перестала стараться.

Собравшись с духом, я задала вопрос, который давно не давал мне покоя:

- Мам, а почему вы решили приехать? - Я ловила, нотки в её взгляде.

- Повидать вас. И у папы здесь небольшой проект, - отве-

тила мама, избегая смотреть мне в глаза. Её взгляд скользнул в сторону, словно она искала спасения в чём-то другом.

- Значит, вы приехали не ради нас, а ради проекта? - резкий голос Джейн прозвучал как пощёчина. Я невольно вздрогнула от её слов и обернулась к сестре. В её глазах читалась боль, которую она больше не могла скрывать.

- Что ты, доченька, нет, конечно! А ещё мы решили устроить сегодня семейный день! - поспешно проговорила мама, пытаясь сгладить ситуацию, но в её голосе не было искренности - только привычная попытка всё исправить парой красивых фраз.

Джейн лишь презрительно фыркнула, а мама, будто почувствовав облегчение, отвлеклась на телефонный звонок и поспешно вышла из кухни.

- Джейн, ты как? - тихо спросила я, встретившись с хмурым взглядом сестры.

Она не ответила, лишь поморщилась, попробовав мамин суп.

- Что это за кошмар? - процедила она сквозь зубы, отодвигая тарелку так резко, что ложка звякнула о край.

- Даже не знаю, но вкус просто отвратительный, - призналась я, невольно морща нос.

Джейн подошла к мусорке и, заметив там пустую банку из-под супа, не смогла сдержать горького смеха.

- Серьёзно? Наша мама решила накормить нас этой бурдой? - вздохнула она. - Не могу поверить. Они никогда не

были, такими. И эта женщина, которая когда-то учила меня готовить, показывала, как замешивать тесто, как чувствовать баланс специй... - Её голос дрогнул от удивления и разочарования, - теперь просто покупает готовый суп и ставит его на стол, будто это что-то меняет.

Я лишь горько усмехнулась в ответ. В груди защемило: я слишком хорошо понимала её боль. Не говоря больше ни слова, Джейн начала делать сэндвичи - ловко, привычно, будто всю жизнь только этим и занималась. Я же поставила турку на огонь и занялась кофе. Аромат свежесваренного напитка наполнил кухню, немного разбавляя гнетущую атмосферу. Мы поели в тишине - не в той уютной, привычной тишине, а в тяжёлой, давящей. Каждый думал о своём, но мысли, казалось, крутились вокруг одного: как так вышло, что наши родители стали чужими людьми?

Наконец, собравшись с силами, мы решили пойти к родителям и спросить, куда они хотят сходить сегодня. Но в глубине души я по-прежнему не верила их словам о *«семейном дне»*. Интуиция подсказывала: это всего лишь попытка залатать трещины в отношениях дешёвой заплаткой, а не искреннее желание быть рядом.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как увидели, что родители упаковывают вещи. Чемоданы стояли у двери, сумки были наполовину собраны - всё выглядело так, будто они готовились к этому давно, просто не решались сказать.

Я повернулась к Джейн и замерла: в её позе, в опущенных плечах читалась такая глубокая печаль, что моё сердце сжалось от тревоги. Её расстроенное лицо говорило больше любых слов.

- Мам... Что происходит? Почему вы собираете вещи? - почти плача, прошептала Джейн. Её голос дрожал от сдерживаемых слёз, а пальцы непроизвольно сжимались и разжимались.

- Дорогие, у нас появились неотложные дела, - ответила мама с печалью в голосе. Её взгляд на мгновение встретился с нашими, но тут же скользнул в сторону, избегая прямого контакта.

- Что, простите?! - Джейн резко шагнула вперёд, и в её голосе зазвучали гнев и боль. - Какого чёрта, мам?! Вы уезжаете? Ты же сама вчера сказала, что сегодня мы проведём день вместе: я, ты, папа и Грейс! Это был наш день. Наш единственный день! - её голос дрогнул, а в глазах блеснули слёзы.

- Прости, - мама попыталась перебить, пряча глаза, словно не в силах выдержать взгляд дочери. - Нам позвонили с работы....

- Ах, работа! - Джейн уже не сдерживала злость. Её голос звенел от обиды. - Вечно она важнее! Мы ждали этого дня шесть месяцев, мы решили забыть то, что вы уехали, не сказав, что случилось. А вы? Прощения просите? И всё? Где папа? Уже в такси сидит? Или вы хотели просто исчезнуть, оставив записку: *«Простите нас, но работа важнее вас»*?

Нет! - её голос сорвался на крик. - Если уйдёте сейчас, забудьте дорогу сюда! Мне не нужны такие родители, которые появляются раз в год!

То, что сказала Джейн, даже я не могла до конца осознать. Мама побледнела, на её лице отразилась такая боль, что на мгновение мне стало, её жаль.

- Доченька.... - мама сделала робкий шаг к Джейн, протянув руку в немой мольбе о прощении. Но сестра отпрянула, словно от удара.

Слёзы ручьём потекли по маминым щекам, оставляя солёные дорожки на бледной коже. Я стояла как вкопанная, чувствуя, как сердце разрывается на части от этой сцены - от боли матери, от отчаяния сестры, от собственной беспомощности. В этот момент в дверях появился отец. Его холодный, отстранённый взгляд скользнул по нам, словно мы были незнакомцами, случайными прохожими, попавшимися на пути. Он молча подхватил чемоданы и, не обернувшись, вышел прочь.

- Пап... - прошептала я, но дверь уже закрылась за его спиной с глухим стуком, оборвав мою надежду на ответ.

Мама, с сумкой в руках, застыла на пороге. Её шёпот, полный боли и раскаяния, едва достиг наших ушей:

- Простите...

Дверь захлопнулась с глухим стуком, окончательно оборвав последнюю ниточку надежды. Тишина, стала такой тяжёлой, что наполнила пространство, и давила на плечи, ли-

шая воздуха. Джейн, сжав кулаки до побелевших костяшек, смотрела в пустоту невидящим взглядом. Её плечи слегка подрагивали, но она не плакала - будто вся боль ушла внутрь, оставив лишь холодную пустоту. Я облокотилась на дверной косяк, пытаюсь справиться с комом в горле, который душил меня. Дыхание сбилось, в груди жгло, а в голове крутилась одна мысль: *«Они уехали. Снова».*

И на этот раз их предательство ощущалось особенно остро - словно свежая рана, кровоточащая и незаживающая, обнажённая и болезненная.

Остаток дня тянулся, словно в тумане. На часах было уже семь часов вечера. А после того как родители уехали, Джейн убежала в свою комнату - и больше оттуда не выходила. Я несколько раз стучалась и просила открыть дверь, чтобы мы могли поговорить. Но в ответ - лишь тишина или короткие, резкие просьбы оставить её в покое. Отчаяние сжимало грудь, и я решила на хитрость: приготовила её любимые шоколадные печенья. Тёплый аромат выпечки наполнил дом - я надеялась, что он растопит лёд в её сердце, побудит выйти и спокойно со мной поговорить. Но даже это не сработало. Джейн словно отгородилась от всего мира невидимой стеной. Моё сердце разрывалось от беспокойства и беспомощности - но я твёрдо знала одно: она нуждается в поддержке, даже если сейчас не готова это признать. Приняв решение

дать сестре время, я оставила её в покое -мы поговорим, когда она успокоится. Глубоко вздохнув, я направилась в свою комнату за книгой, а затем спустилась на кухню и налила себе любимый чай с ромашкой.

Устроившись в зале с книгой в руках, я пыталась сосредоточиться - но мысли путались из-за тревоги. Одну и ту же главу я перечитывала трижды, а через десять минут книга с глухим стуком опустилась на кофейный столик. Тяжело вздохнув, я обхватила голову руками. Беспокойство за Джейн не давало покоя - оно терзало душу, не отпускало ни на секунду.

Погружённая в мрачные мысли, я сидела так довольно долго - пока внезапная идея не пронзила сознание, словно молния: *«Алекс! Нужно позвонить ему!»*

Но тут же сердце упало: я так и не сохранила его номер. Откинувшись на спинку дивана, я размышляла, что же делать дальше. Пальцы машинально скользнули в карманы джинсов - и нащупали смятый клочок бумаги. Это была та самая записка, что мне передал Генри. Точно, вчера вечером я засунула её в карман джинсов, которые висели на стуле - тогда мне показалось, что так будет надёжнее, чем просто оставить на столе.

Мысль настигла внезапно:

«Генри... Его глаза, будто прожигают меня насквозь, руки, блуждавшие по моему телу» Так, стоп. Надо отбросить эти мысли - это неправильно. Можно подумать, что я сошла

с ума, готовая открыться парню, которого едва знаю. Я развернула бумажку. На ней был написан номер и короткая надпись: «Позвони, когда буду полезен - или просто так». Сердце на мгновение замерло, а потом застучало часто - часто.

«Зачем он это написал? И откуда у него такая уверенность, что я захочу с ним общаться?» - пронеслось в голове. Мне не нравилось это наваждение, не нравилось, что рядом с ним я словно теряю себя. У меня и без того хватало проблем: вечные недосыпы, кошмары, в которых снова и снова появлялась Розали. Но ради сестры я должна взять себя в руки. Внутри меня бушевал конфликт: позвонить или оставить всё как есть, не давать надежды ни ему, ни себе? Но забота о Джейн перевесила все сомнения.

Решившись, я взяла телефон, лежавший на кофейном столике, и набрала номер. Гудки тянулись, словно вечность. Осознание того, что сейчас я услышу его голос, обрушилось внезапно - и сердце тут же забилося чаще от волнения.

- Привет, Грейс, - прозвучал его голос: грубоватый, но в то же время такой нежный, что на мгновение я забыла, зачем вообще позвонила. Дыхание перехватило, но я собралась с силами и ответила:

- Откуда ты знал, что это я? - спросила я, едва справляясь с волнением. Голос дрогнул, выдавая моё состояние.

На том конце провода послышалась лёгкая усмешка. Я тут же живо представила, как он стоит передо мной, усмехается, проводит рукой по моему лицу и наклоняется для поцелуя...

Стоп! Хватит этих глупых мыслей.

- Надеялся на твой звонок, принцесса, - в трубке раздался лёгкий, дразнящий смешок, от которого по спине пробежала дрожь. - Думал, ты позвонишь ещё вчера.

- Мм - только и смогла выдать я, не зная, с чего начать.

- Что случилось? - его тон внезапно стал серьёзным, почти тревожным.

Глубоко вдохнув, я выпалила всё разом: рассказала про ужасную ссору Джейн с родителями, про её отчаянный крик: *«Не возвращайтесь!»* Каждое слово давалось с трудом.

- Алекс говорил, она ангел, - усмехнулся Генри, и в его голосе проскользнула лёгкая ирония. - Ангел с когтями.

- Просто не стоит её злить, - парировала я, невольно вспоминая вчерашний вечер, когда он подошёл так близко на балконе. - Я тоже умею кусаться.

Повисла напряжённая пауза. Затем он произнёс глубоким, тихим голосом:

- Прости. Я переступил, черту. Ты была... - Он запнулся, словно подбирая слова, - неотразимой.

Моё сердце забилося чаще, готовое выпрыгнуть из груди. Внутри всё кричало о том, как сильно я хотела продолжить тот вечер, но холодный разум взял верх над чувствами.

- Ладно, - прошептала я, стараясь скрыть волнение. - Прощаю на этот раз.

- Тогда может, встретимся? Я хотел бы...

- Генри! - мой голос предательски дрогнул. - Джейн сроч-

но нужна поддержка! Сейчас!

Он мгновенно перестроился, словно сбросив романтическое настроение:

- Алекс будет через двадцать минут. Жди.

Он положил трубку, а мой пульс всё ещё стучал в висках. «Чёрт, почему он так на меня действует?» - пронеслось в мыслях. Закрыв глаза, я глубже вжалась в диван, пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

Эти двадцать минут тянулись бесконечно, словно время решило надо мной поиздеваться. Я не могла найти себе места - металась по комнате, будто загнанный зверь: от окна к двери, от стены к стене, - и ни на секунду не могла остановиться. Присесть? Невозможно: каждая новая мысль наваливалась тяжёлым грузом, сдавливала грудь, душила всё сильнее. Наконец я замерла посреди комнаты, тяжело вздохнула и невольно бросила взгляд на фотографию Розали. Не осознавая, что делаю, я уже стояла возле рамки. Осторожно провела пальцами по стеклу, улыбнулась сквозь подступающие слёзы и мысленно перенеслась на год назад - туда, где мы смеялись, делились самыми сокровенными секретами, строили грандиозные планы. А теперь её нет. Воспоминания нахлынули волной. Вот сегодняшней день: холодный, почти ледяной взгляд родителей, их отчуждённое молчание. Кажется, они смотрели на меня так, словно перед ними стояли чужие люди. Внутри образовалась огромная пустота - такая

глубокая и бездонная, что хотелось закричать во весь голос, разорвать эту гнетущую тишину. Но вместо крика я лишь глотала подступающие слёзы, изо всех сил стараясь удержать их, не дать пролиться. *«Розали, почему тебя нет рядом? Как мне справиться с этой пустотой?»* - безмолвно шептали мои губы, пока я вглядывалась в застывшую улыбку на фотографии. Но ответом была лишь оглушительная тишина - безжалостная, равнодушная, бесконечная.

Погружённая в тяжёлые мысли, я вздрогнула от внезапной вибрации телефона - он до этого лежал совершенно безмолвно. Бросившись к нему, я затаила дыхание в надежде: вдруг это Алекс сообщает, что уже подъехал. Но надежда рассыпалась в прах в тот же миг. Экран высветил странное, пугающее сообщение от неизвестного номера. От этих слов по спине пробежала ледяная волна страха, а кожу покрыли мурашки:

Неизвестный: - *«Скоро всё встанет на свои места, только верь»* .

Сердце замерло. В голове зароились тревожные мысли, одна страшнее другой. *«Как такое, может быть?..»* - пронеслось в сознании. Волна страха накрыла с головой, перехватила дыхание - мне показалось, будто я вовсе перестала дышать. Эти слова они звучали в моём сне прошлым днем. Их произносила девушка, до боли похожая на Розали. Тот же тембр голоса, та же интонация - словно эхо из другого мира, прорвавшееся в реальность. Я застыла посреди комнаты, всё ещё сжимая в руке телефон, не в силах осознать происходя-

щее. Мозг лихорадочно искал объяснение, но находил лишь новые поводы для тревоги.

И тут - резкий, пронзительный звонок в дверь. От неожиданности телефон выскользнул из пальцев и глухо упал на пол. Подняв его, я торопливо сунула устройство в задний карман джинсов и направилась к двери. Выйдя из гостиной в коридор, я замерла, охваченная внезапным, почти парализующим страхом. Что, если за дверью - тот самый незнакомец? Тот, кто отправил это странное сообщение? Тот, кто, возможно, знает обо мне больше, чем следовало бы?..

С трудом взяв себя в руки, я вспомнила про глазок. Осторожно приблизившись, я заглянула в него - и с огромным облегчением увидела знакомое лицо Алекса. Напряжение, сковывавшее тело, понемногу отпустило, но тревога всё ещё тлела где-то внутри, напоминая: что-то идёт не так.

- Алекс! - распахнув дверь, я чуть не расплакалась от облегчения. Сердце, до этого бешено колотившееся в груди, словно пытаясь вырваться наружу, постепенно начало успокаиваться.

Алекс, заметив моё состояние, заметно встревожился. Он окинул меня внимательным взглядом - я была бледна как смерть, а в глазах стояли слёзы, готовые сорваться в любой момент.

- Ты бледная, как привидение, - нахмурился он.

В этот момент за его спиной появился Генри. Его лицо исказилось тревогой, но в глазах читалась странная злость.

- Что случилось?! Почему ты такая бледная? - он впился в меня взглядом, будто пытался прочесть ответы прямо в моей душе. - Я отправил тебе кучу сообщений и даже звонил, но ты не отвечала! - голос Генри звучал резко, почти обвиняющие, он буквально засыпал меня вопросами. Я застыла в ступоре, не в силах вымолвить ни слова. Только хмуро смотрела на него, а внутри всё сжималось от напряжения. Его глаза пылали - не гневом, а беспокойством, которое он безуспешно пытался скрыть за резкими словами.

- Эй! - Алекс решительно встал между нами. - Ты только ещё больше её пугаешь! - твёрдо проговорил он.

Генри отступил на шаг, сжимая кулаки так, что побелели костяшки пальцев. На мгновение он замер, словно боролся с самим собой, а потом его плечи опустились.

- Прости... Я... - голос его дрогнул, выдавая внутреннее смятение. Не дожидаясь ответа, он резко развернулся и направился к балкону, будто пытаясь скрыться от собственных эмоций.

Очнувшись от оцепенения, я резко обернулась к Генри:

- Зачем ты здесь? - прошипела я, и мой голос дрожал от напряжения. - Я ведь звала только Алекса! - злость, копившаяся внутри, наконец, нашла выход, сковывая каждое слово.

Он остановился и так же резко развернулся. Подойдя ко мне вплотную, я замерла - в свете люстры его глаза, которые я запомнила вчера серо - зелёными, вдруг вспыхнули алым

пламенем. Я смотрела в них, не веря своим глазам, но внутри не было страха - только вопросы, рвущихся наружу.

- Твои глаза - прошептала я, едва шевеля губами. - Они...

Не успев коснуться его лица: Генри резко развернулся и ушёл на балкон, словно пытаюсь скрыться от моего взгляда. Я перевела взгляд на Алекса. Он молча наблюдал за этой сценой, не отрывая глаз от спины Генри, и в его взгляде читалось что-то тревожное, почти предостерегающее.

- Она в комнате, Алекс, - произнесла я, стараясь собраться с мыслями и понять, зачем они вообще сюда приехали. - Когда я последний раз подходила, она не отвечала - видимо, спала.

Алекс лишь коротко кивнул и направился по лестнице в комнату Джейн. А я, наконец, выйдя из оцепенения и пытаюсь осмыслить то, что только что произошло, пошла на балкон следом за Генри.

Открыв дверь балкона, я шагнула наружу и остановилась за напряжённой спиной Генри, тихо прикрыв за собой дверь. На улице гулял ветер - он предвещал скорый дождь, это чувствовалось в каждом порыве, в тяжёлой влажности воздуха. Ветер безжалостно трепал волосы Генри, создавая вокруг его головы серебристый ореол, словно нимб из взметнувшихся прядей.

Почувствовав мой взгляд, Генри обернулся. Я замерла, застывшая: его глаза больше не были серо-зелёными - они словно превратились в расплавленный металл, в глубине ко-

торого танцевали загадочные алые искры. В этом взгляде читалось что-то древнее, почти первобытное, и от этого по спине пробежал холодок - но не страха, а какого-то иного, неизведанного чувства.

- Генри... - начала я, но он лишь молча развернулся, достал из кармана джинсов пачку сигарет и закурил. Клубы дыма окутали его фигуру, создавая между нами призрачную завесу.

- Не сейчас, Грейс, - произнёс он глухо, и в его голосе прозвучала такая глубокая, почти осязаемая боль, что у меня сжалось сердце.

Неожиданно дверь за моей спиной распахнулась. Я стояла, облокотившись на неё, и от резкого движения чуть не потеряла равновесие - но сильные руки Алекса вовремя подхватили меня. Я слабо улыбнулась ему, но улыбка тут же погасла, стоило мне увидеть его напряжённое лицо.

- Она спит, - сообщил Алекс серьёзным тоном. - Разбужу её и поговорю. А вы здесь не шумите.

Генри обернулся. Я заметила, как алый блеск в его глазах медленно угасает, уступая место привычному серо-зелёному оттенку - словно угасающие угли, из которых уходит последнее пламя.

- Иди уже к ней, - бросил он Алексу, а сам снова отвернулся к городу, продолжая рассеянно крутить в пальцах сигарету.

Я осталась стоять рядом, обхватив себя руками в тщетной

попытке унять внутреннюю дрожь. Взгляд скользил по его напряжённой спине, а в голове крутился один и тот же вопрос: «*Что, чёрт возьми, вообще происходит?*»

В воздухе всё сильнее ощущалось приближение грозы. Подняв голову, я увидела, что ночное небо совершенно пусто - ни единой звёздочки. Лишь огни города вдали мерцали, словно застывшая декорация к какой-то неизвестной пьесе, в которой мне, похоже, предстояло сыграть главную роль

Я стояла, по-прежнему не в силах вымолвить ни слова. Точнее, не знала, с чего начать вопрос и как вообще правильно его сформулировать. В голове, словно на бесконечном повторе, крутилась одна и та же картина - его глаза вчера они смотрели на меня с такой теплотой и доверием, а сейчас. Это пугало - но не так сильно, как, наверное, должно было. Генри по-прежнему молчал, устремив взгляд на ночной город. Он докуривал сигарету, а пепел падал вниз, растворяясь в порывах ветра. Моё любопытство, однако, не утихало - оно терзало меня изнутри, разгоралось всё сильнее. Мне отчаянно хотелось знать правду, понять, что происходит.

- Генри... - Мой голос прозвучал непривычно тихо, едва слышно, словно принадлежал кому-то другому.

Я откашлялась, собираясь повторить - казалось, он даже не услышал меня. Но не успела.

- Это аномалия, - прошептал он, не оборачиваясь. - Извини, что напугал. Я писал тебе, звонил, а ты не отвечала начал

переживать. Не знаю даже почему. К тому же в голове сами собой рисовались не самые весёлые картины.

После этих слов он обернулся. Я всмотрелась в его глаза: тревожная краснота постепенно исчезала, уступая место привычному серо-зелёному оттенку. По его губам скользнула лёгкая, чуть виноватая улыбка, и он продолжил:

- Это похоже на гетерохромию. Цвет глаз меняется, когда я начинаю сильно злиться.

Я невольно перевела взгляд на его пальцы - они крепко сжимали перила балкона, так что костяшки побелели на фоне ржавого металла. Внезапно я отступила назад и нечаянно задела горшок с геранью. Потеряв равновесие, я чуть не упала - но Генри успел подхватить меня за талию.

Мы замерли так на мгновение, глядя друг на друга. Каждая клеточка тела кричала об опасности, но его голос, он обволакивал, словно тёплая медная волна - успокаивал, убаюкивал, заставлял забыть обо всех тревогах.

- Всё началось ещё в детстве, - произнёс он, внимательно глядя на меня, а затем осторожно отпустил, но не отошёл. - Когда злюсь...

Ветер усилился, донося откуда-то запах приближающейся грозы. Где - то вдали глухо прокатился первый раскат грома, и я невольно вздрогнула. Генри заметил это и чуть склонил голову, словно хотел что-то добавить - но промолчал. Я смотрела на него словно загипнотизированная - заморожённая плавным движением его руки. Его пальцы коснулись мо-

его виска, осторожно убрали прядь волос, а затем медленно, почти невесомо скользнули к губам. От этого прикосновения сердце бешено застучало, будто пыталось вырваться из грудной клетки, а дыхание на мгновение перехватило.

- Прости ещё раз, что напугал, - произнёс он. Его дыхание пахло мятой и чем-то ещё - едва уловимой ложью, прятавшейся за спокойными интонациями.

Он сделал паузу, словно подбирая слова, взвешивая каждое, а потом продолжил:

- Я понимаю, что ты считаешь всё это бредом. Так оно и выглядит, наверное. Но я ничего не могу с этим поделать. А с собой - уж тем более. Ты околдовала меня своей красотой.

Я вновь всмотрелась в его глаза - серо-зелёные, глубокие, в которых сейчас читалось что-то неуловимое, тревожное. Тихо, почти шёпотом, я произнесла:

- Я уже была напугана ещё до того, как вы пришли. А потом ты со своими претензиями - и я растерялась.

Слова путались, рассыпались на части, не желая складываться во внятную фразу. Он понял это без объяснений и мягко перебил:

- Почему ты была напугана? - спросил он, не отступая ни на шаг. Его пальцы едва коснулись моей руки - лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже пробежали мурашки, а внутри всё сжалось от странного, чувства.

Я глубоко выдохнула, отчаянно цепляясь за остатки рациональности. Пальцы сами нашли телефон в кармане. Экран

вспыхнул резким, почти ослепительным светом, высветив то самое сообщение:

Неизвестный: *«Скоро всё встанет на свои места, только верь».*

Молча протянула телефон ему. Он нахмурился, вчитываясь в строки, но не произнёс ни слова. Вместо этого вдруг притянул меня к себе - резко, почти порывисто. Его объятие стало неожиданностью: крепкое, почти до боли, оно одновременно пугало и дарило странное, почти забытое ощущение защищённости. Тёплая ладонь скользнула по спине, выписывая медленные, успокаивающие круги.

- Почему тебя это пугает, Грейс? - тихо спросил он, и то, как он произнёс моё имя - так нежно, так бережно, - вызвало новую волну мурашек, пробежавшую вдоль позвоночника.

Он отстранился лишь на мгновение - ровно настолько, чтобы взять меня за подбородок и приподнять лицо. Его взгляд впился в мои глаза, и в этой глубине я прочла всё: искреннее переживание, тревогу, и твёрдую, почти отчаянную решимость. Пальцы вдруг сжались на моих плечах - чуть сильнее, чем требовалось, - будто он пытался удержать не только меня, но и что-то внутри себя. Смотря в его глаза, я не могла ему ответить. Сказать о том, что мне это приснилось, казалось полным бредом - нелепым, стыдным, невозможным. Поэтому я промолчала.

- Может, это просто чья-то глупая шутка? - произнёс Генри, и в голосе его скользнула едва уловимая натянутость, тре-

щина, которую раньше я не замечала.

В этот миг луна выбралась из-за туч, озарив его лицо холодным серебристым светом. И тогда я поняла безошибочно: он лжёт. Каждая черточка его лица, каждый изгиб губ кричали об этом - но я не хотела признавать правду. Не сейчас. Когда его губы коснулись моего лба, все сомнения растаяли, словно сахар в горячем чае. Они растворились в этом прикосновении, окутавшем меня липким, сладким туманом, от которого кружилась, голова и замирало, сердце, а мир вокруг терял чёткие очертания.

- Значит, это была очень злая шутка, - прошептала я, сама не зная, кому принадлежали эти слова - мне или тому навряднению, что окутало нас обоих, сплетая наши судьбы в один неразрывный узел.

Глава 8

"Алекс" Подойдя к комнате Джейн, я замер, сдерживая дыхание, словно боялся разрушить хрупкость этого мгновения. Лёгким стуком костяшек пальцев я постучал в дверь - звук получился глухим и одиноким, он эхом разнёсся по тихому коридору, будто подчёркивая моё волнение. Я знал, что никто не ответит - лишь тишина откликнется мне молчанием. Ладонь сама потянулась к дверной ручке, и дверь поддалась неожиданно легко, без малейшего сопротивления, словно приглашая войти.

Внутри царил полумрак, пронизанный мягким светом угасающего дня. Джейн спала - её дыхание было ровным и спокойным, лицо безмятежным, а пряди волос рассыпались по подушке, словно тонкие нити золота. Сердце сжалось от нежности: она казалась особенно уязвимой и прекрасной. Подумав, что сегодня я, скорее всего, уже не спущусь вниз, я решил предупредить об этом Грейс - и, конечно, Генри. Зачем он вообще поехал со мной? Мысль скользнула в сознании, острая и неприятная. Но я утешил себя мыслью: Грейс, с её твёрдым характером, в любом случае найдёт способ деликатно выпроводить его.

Я направился к балкону. Сквозь стеклянные двери увидел Грейс: она стояла, скрестив руки на груди, и напряжённо смотрела на Генри. Между ними повисло тяжёлое молчание -

не враждебное, но полное невысказанных слов. Я обменялся с ними парой коротких фраз, стараясь не выдать своего беспокойства, и вскоре ушёл, оставив их наедине. Мне совсем не хотелось этого - внутри всё протестовало, хотелось вмешаться, сказать, чтобы он ушел, изменить ход событий. Но я доверился интуиции и мудрости Грейс. В глубине души я верил: она поступит правильно и мягко, но твёрдо попросит Генри уйти. И тогда, словно освободившись от невидимой тяжести, я поспешил обратно - со всех ног, почти бегом, - в комнату любимой.

Зайдя в комнату, я почти перестал дышать. Осторожно, стараясь не нарушить тишину, подошёл ближе к кровати и наклонился. Легонько провёл пальцами по её лицу - едва ощутимо, словно касание бабочки, - а затем плавно скользнул ладонью по её плечам, согревая их своим теплом. Лучик солнца коснулся её ресниц, едва подрагивающих во сне, и заиграл золотистыми искрами. Её дыхание было таким тихим, что я едва различал его в тишине - оно звучало, как шёпот самого времени. На мгновение мне показалось, что мир остановился. Я залюбовался её ангельским личиком, умиротворённым и беззащитным во сне, - и на душе стало так светло, будто вся боль и тревога растаяли. Но потом я вспомнил, зачем приехал сюда.

- Дорогая - прошептал я едва слышно, почти беззвучно. Моя рука медленно потянулась к её лицу, нежно провела по мягким волосам, перебирая пряди, словно драгоценность.

Наклонившись для поцелуя, я почувствовал, как она вздрогнула. Она еле открыла глаза - они были красными от слёз, выплаканных за целый день, - и изумлённо уставилась на меня.

- Алекс?.. Но. Как ты здесь?.. - её пальцы судорожно вцепились в подушку, а голос, ещё сонный и мягкий, дрогнул, выдавая растерянность.

- Разве я мог бросить тебя в такой паршивой ситуации? - ответил я, всматриваясь в её лицо и ловя трепет дрожащих ресниц. В её взгляде читались и радость, и недоверие, и та глубокая боль, которую я так хотел унять.

Слёзы беззвучно покатались по её щекам - жемчужные росинки, сверкающие в тусклом свете, словно утренняя роса. Я придвинулся ближе, обнял её, крепко, но бережно прижимая к себе, и на мгновение замер, вдыхая тёплый аромат корицы и шоколада - тот самый, что всегда был её неизменным следом, её личным запахом, который я узнавал из тысячи.

- Джейн Дорогая - тихо произнёс я, приподняв её за подбородок. Лёгким движением коснулся губами влажной щеки, словно пытаюсь стереть солёные следы её боли, забрать её страдания в себя. - Они любят тебя, но иногда - мой голос дрогнул, а язык, словно споткнулся о тяжёлый камень несправедливости, - иногда всё идёт не так, как мы хотим. И если родители поступили так - это их выбор. Ты должна их отпустить. Перестань мучить себя - им, возможно, всё равно,

а ты Ты должна думать о себе, о своём здоровье, о том, что делает тебя счастливой. Джейн.

Она прижалась ко мне сильнее, и я почувствовал, как её плечи дрожат. Я просто держал её, гладил по волосам и шептал тихие слова утешения, пока её дыхание не стало ровнее, а слёзы не начали утихать. Её пальцы впились в мою спину - не резко, а с отчаянной нуждой, словно она искала во мне опору. Я закрыл глаза и принялся рисовать губами нежные узоры на её виске старый, немой способ утешения, знакомый нам обоим. В нём слова давно утратили смысл.

В этом молчаливом танце дыхания, в тёплом сплетении наших вздохов я отчаянно искал способ успокоить любимую, дать ей забыть хоть на мгновение о боли, что терзала её душу. Но в голове пульсировала лишь одна мысль, один единственно верный ответ:

Я обнял её ещё крепче - так, словно мог влить в неё всю свою силу, всю свою нежность, всю веру в то, что завтра будет лучше. Осторожно приподнял её лицо, заглянул в глаза - влажные, блестящие от слёз, но всё ещё полные жизни - и поцеловал. Медленно, бережно, с бесконечной осторожностью, я запустил пальцы в её мягкие волосы, ласково укладывая её на подушку. Нависая сверху, я чувствовал, как бьётся её сердце - часто, взволнованно. Она ответила на поцелуй - её руки скользнули в мои волосы, слегка оттягивая их, но больно, а так, как умела только она: с тихой, затаённой страстью, в которой смешались и нежность, и отчаяние.

Моя вторая рука сама нашла путь к её бархатной коже - медленно, почти благоговейно, она скользила вниз, исследуя каждый изгиб, каждую трепетную линию её тела, запоминая их, словно впервые. Пальцы запоминали тепло, мягкость, лёгкую дрожь, пробегающую под кожей, - всё то, что делало её такой живой, такой настоящей.

И тогда она прошептала - едва слышно, почти беззвучно, прямо в мои губы:

- Я хочу тебя...

Оторвавшись от её губ, я заглянул в её глаза. Она смотрела на меня сквозь полуприкрытые веки, покусывая губу, - такая беззащитная в своей уязвимости и в то же время такая смелая в своём желании. Как я мог отказать своей девочке? Моё сердце сжалось от нежности. Я снова наклонился к ней, целуя уже иначе - глубже, увереннее, но попрежнему бережно, обещая всем своим существом: *«Я здесь. Я с тобой. И я не уйду»*.

"Джейн" Едва слышный шёпот сорвался с моих губ - трепетный, почти неслышный, но полный желания. Он уловил его, словно дыхание ветра, и его рука скользнула по моей груди - медленно, невесомо. Пальцы нежно коснулись края футболки, чуть приподняли её - и вот ткань уже отброшена в сторону, открывая путь к груди, которая жаждала его горячих прикосновений. Он улыбнулся - едва заметно, но эта улыбка обожгла меня изнутри. Жар вспыхнул между ног, разливаясь по телу горячей волной. Его губы коснулись мо-

ей кожи, а после он приблизился к моим соскам - сначала робко, почти невесомо, затем смелее. Его лёгкие поцелуи и нежные покусывания - отзывалось дрожью, пробегая по спине и заставляя сердце биться чаще.

С моих губ невольно сорвался стон - тихий, прерывистый, но искренний. Внизу живота зародилось покалывающее ощущение, медленно разрастающееся, словно пламя, которое вотвот охватит всё вокруг. Он продолжал свой неторопливый путь вниз - дразня, заставляя ждать, умолять о большем. Остановившись у края шорт, он замер, любясь тем, как вздымается и опускается моя грудь в неровном, нетерпеливом дыхании. Его губы вновь нашли мою кожу - лёгкие, почти невесомые поцелуи поднимались выше, дразня и распаяя. А затем - внезапный, глубокий, страстный поцелуй в губы, от которого перехватило дыхание. В то же мгновение его пальцы ловко расстёгивали завязки на шортах. Шорты соскользнули вниз, отлетев куда-то в сторону, и реальность будто растворилась в этом мгновении. Когда его рука скользнула под ткань трусиков, время остановилось. Я изогнулась навстречу его прикосновениям, издав глубокий, протяжный стон - в нём смешались мольба, благодарность и безудержное, всепоглощающее желание, которое больше не нужно было скрывать.

Как только Алекс вошёл в меня - двумя пальцами, неторопливо, почти невесомо, - мир вокруг словно растворился. Его движения были похожи на невидимые узоры, которые он

рисовал в темноте: плавные, размеренные линии, от которых по телу разбегались горячие волны, зарождаясь где-то глубоко внутри и разливаясь до самых кончиков пальцев. Его губы скользили по моей груди - то едва касаясь, то слегка прикусывая кожу, оставляя на ней следы едва ощутимой боли и нестерпимого наслаждения. Каждая ласка отзывалась внутри пронзительным, сладким спазмом, заставлявшим дыхание сбиваться, а сердце - биться чаще. Я вцепилась в простыни, сжимая их изо всех сил, будто они могли удержать меня на краю этого нарастающего вихря ощущений. Губы прикусила до лёгкой боли - лишь бы не дать стонам вырваться наружу, разлететься по квартире, где за стеной спала моя сестра. Но чем сильнее я сдерживалась, тем ярче вспыхивали внутри искры наслаждения, разгорающиеся до пламени, которое уже невозможно было потушить.

Не выдержав, я рванулась к нему - схватила за лицо, притянула к себе с неистовой, почти отчаянной страстью. Поцелуй вышел жадным, глубоким, отчаянным - словно я пыталась вдохнуть его целиком, впитать каждую частицу его сущности, сделать частью себя. Рука скользнула под рубашку, ощущая под пальцами рельеф его тела - тёплого, живого, совершенного в своей силе. Пальцы дрожали, расстёгивая пуговицы: одна, вторая, третья. Каждая секунда казалась вечностью, каждая пуговица - преградой на пути желанному. Рубашка упала, обнажив его торс - атлетичный, выточенный, словно скульптура, созданная не руками мастера, а са-

мой природой - специально для того, чтобы я могла касаться её, изучать, восхищаться каждым изгибом.

Я приподнялась, встала на колени. Он последовал за мной, выпрямился - и вдруг оказался выше, недостижимо далёкий в своей мощи, словно воплощение самой стихии. Мне пришлось тянуться к его губам, приподниматься на цыпочках, искать его поцелуй. А он он просто держал меня за макушку - бережно, но уверенно, давая опору, позволяя мне исследовать его без страха и сомнений. Его прикосновение было одновременно защитой и приглашением. Мои ладони скользили по его телу, запоминая каждый изгиб, каждую линию, медленно опускаясь ниже - к пряжке ремня, к границе, за которой ждало ещё большее безумие, ещё более глубокое погружение в океан ощущений.

Улыбнувшись - едва заметно, сквозь поцелуй, - я расстегнула пряжку. Он помог: одним плавным движением сбросил джинсы вместе с боксерами в сторону - и они упали на пол, словно последний барьер между нами, окончательно рухнувший в эту секунду. Мы остались почти обнажёнными - лишь тонкие полоски моих трусиков нарушали эту откровенную близость, напоминая о последней грани, которую ещё предстояло переступить. Алекс, склонился к моей шее, и его губы коснулись кожи - сначала невесомо, почти робко, будто пробуя на вкус, затем всё смелее, оставляя на ней россыпь невидимых поцелуев, горячих, как шёпот на ухо.

В тот же миг его рука скользнула под ткань трусиков - и

нежное, осторожное прикосновение заставило меня вздрогнуть от волны пронзительного наслаждения, прокатившейся по всему телу. Я задыхалась - не от нехватки воздуха, а от переполнявших меня чувств, настолько сильных, что казалось, они вотвот вырвутся наружу, разорвав тишину комнаты. Пальцы впились в его руку - крепко, отчаянно, словно пытаюсь удержать этот миг.

Губы скользили по его мускулистой груди - то целуя, то слегка прикусывая кожу, впитывая её солёный вкус, ощущая под губами ритм его учащённого сердцебиения, которое теперь звучало в унисон с моим. Каждое прикосновение отзывалось внутри вспышкой тепла, растекающегося по венам, как расплавленное золото. Опустив руку ниже, я коснулась его члена - медленно, почти робко, будто впервые изучая, запоминая каждую линию, каждый изгиб. Пальцы заскользили вдоль твёрдой, горячей плоти - осторожно, едва ощутимо, затем чуть увереннее. В ответ слышались его тихие, сдержанные вздохи - музыка, от которой внутри всё сжималось в сладком предвкушении, а по коже пробегали мурашки. Каждый его выдох, каждое лёгкое движение отзывались во мне новой волной желания - нарастающей, пульсирующей, заполняющей каждую клеточку тела. Алекс ускорил движения рукой - плавно, но неумолимо, и каждый новый толчок отзывался во мне пронзительной волной, прокатывающейся от кончиков пальцев до самой глубины души. Его губы жадно впивались в мои - поцелуи становились всё

страстнее, отчаяннее, словно он пытался, слиться со мной не только телом, но и душой.

Ноги предательски подкосились, утратив всякую волю и силу, будто кости вдруг растаяли, оставив лишь трепетную, пульсирующую нежность. Я вцепилась в его плечи - крепко, отчаянно, - чувствуя, как под пальцами перекачиваются напряжённые мышцы. Они стали моей единственной опорой в этом вихре ощущений, последней связью с реальностью, которая уже почти растворилась в жаре наших тел. Из груди вырвался ещё один стон - долгий, дрожащий, полный невыразимой смеси наслаждения и мольбы. В тот же миг я ощутила, как он с едва уловимой, почти ласковой улыбкой извлекает пальцы - и одно резкое, уверенное движение - мои трусики соскользнули, упав на пол рядом с другой одеждой.

Он поднял меня, словно я была невесомой - бережно, почти благоговейно опустил на постель. На мгновение замер, склонившись надо мной, и посмотрел в глаза - долго, пристально, изучающе, будто хотел прочесть в них всё, что я не решалась произнести вслух. В этом взгляде читались и страсть, и нежность. А затем - уверенно погрузился в меня: твёрдый, горячий, неотвратимый, как сама судьба. Наши вздохи слились в единый звук - прерывистый, неровный, но удивительно гармоничный. Сначала его движения были медленными, почти неторопливыми - осторожными, будто он хотел растянуть каждое мгновение, запомнить каждую грань моего отклика, запечатлеть в памяти дрожь моих ресниц, би-

ение пульса на шее, тихий выдох, срывающийся с губ. Но с каждым новым толчком темп нарастал - плавно, неотвратимо, превращая нашу близость в завораживающий танец: гармоничное сочетание неукротимой страсти и властного контроля, дикой жажды и трепетной нежности. Я растворялась в этих ощущениях, теряя счёт времени и пространству. Оставалось только его дыхание на моей коже - горячее, прерывистое; его руки, уверенно удерживающие меня на грани безумия, но не позволяющие сорваться в пропасть.

Мои стоны становились всё громче, забывая о границах и запретах. Они сплетались в единый поток - прерывистый, искренний, - свидетельствуя о нарастающем наслаждении, о том, как стремительно мы теряем себя в этой буре чувств, растворяясь, друг в друге без остатка. Алекс прижался губами к моей щеке - нежно, почти трепетно, - затем скользнул ниже, к шее, оставляя на коже горячие следы своих поцелуев, будто ставил невидимые метки, говорящие: «Ты - моя». Его дыхание смешивалось с шёпотом, который проникал в самое сердце:

- Джейн - моё имя сорвалось с его губ, словно стон, протяжный и глубокий. От этого звука внутри меня всё сжалось, будто каждая клеточка отозвалась на его призыв, затрепетала в ответ. - Ты прекрасна

Его голос звучал с нежной хрипотцой, от которой по телу пробегала дрожь, разливаясь где-то под кожей, запуская новую волну мурашек. Слова были как прикосновение - та-

кие же тёплые, такие же искренние, такие же необходимые, как воздух. Он медленно вышел из меня, плавным движением перевернул - и вот уже новое положение, новый угол, новое измерение удовольствия. Оно накрыло с головой, пронзило насквозь, заставляя спину выгнуться, словно у кошки, поддавшейся древнему инстинкту, отдающейся моменту без остатка. И тогда я услышала - низкое, глухое рычание, вырвавшееся из его груди. Оно было первобытным, искренним, необузданным - звуком, рождённым не разумом, а самой сутью его естества. На моих губах сама собой расцвела лёгкая улыбка - не из кокетства, не из игры, а от глубокого, пронзительного осознания: именно я вызываю в нём эти звуки, эти эмоции, эту бурю. Именно я стала причиной этой искренней, необузданной реакции.

Наслаждение накрыло нас с головой - внезапное, всепоглощающее, словно взрыв тысячи ярких искр в ночном небе, рассыпающихся по тёмному полотну вселенной. Оно рассыпалось по венам огненными всполохами, обжигая и исцеляя одновременно, - и в этот миг время замерло, остановилось, растворилось. Алекс притянул меня к себе - бережно, почти благоговейно, словно я стала для него чемто невероятно хрупким и драгоценным, чемто, что нужно хранить и оберегать. Его губы нашли мои в нежном поцелуе - не страстном, не жадном, а тихом, сокровенном, полном благодарности и нежности. Мы нежились в объятиях друг друга - обнажённые и бесконечно счастливые. Тела ещё хранили тепло стра-

сти, пульсирующее, живое, но уже окутывались мягкой волной умиротворения. Дыхание выравнивалось, сердца постепенно замедляли свой бешеный ритм, сливаясь в новой, спокойной мелодии - мелодии покоя, доверия и глубокой, тихой радости, которая была даже сильнее страсти.

«Грейс» Мы стояли на балконе, прижавшись, друг к другу так тесно, что, казалось, между нами не осталось ни единого вдоха. Лёгкий ветерок, поднимавшийся с улицы, пробирался под одежду, заставляя меня ещё крепче льнуть к его тёплому, надёжному телу. Я прикрыла глаза, вслушиваясь в мерное биение собственного сердца и ощущая на волосах его тёплое дыхание. На душе было странно - будто мир вдруг потерял смысл. Неожиданно его пальцы осторожно погрузились в мои волосы - так бережно, словно он боялся спугнуть хрупкую грань между нежностью и страстью. Они скользили по коже, вырисовывая невидимый узор, от которого по телу бежали мурашки.

Подняв взгляд, Генри посмотрел на меня. О, эти глаза! Цвета штормового моря - там, где серое небо сливается с изумрудной пеной волн. В них бушевала целая стихия: то затихая, то вспыхивая с новой силой. Они затягивали, манили, заставляли сердце биться чаще, будто оно стремилось вырваться навстречу этой буре. *«Слишком быстро»*, - шёпотом твердило сознание, тщетно пытаясь воззвать к разуму, напомнить о границах и осторожности. Но тело не жела-

ло слушать. Оно растворялось в этом опасном танце. Время будто замерло, остались только он и я.

Но я должна была его оборвать.

- Может чаю? - голос сорвался на полуслове, предательски обнажив дрожь, которую я так старалась скрыть. Я невольно отступила, пытаясь удержать между нами хоть какую-то разумную дистанцию.

Генри кивнул, придерживая стеклянную дверь ладонью. На его руке отчётливо проступали выпуклые вены, а сами руки - крупные, сильные - вдруг показались мне до странности нежными, почти трогательными в своей обыденной простоте. Этот жест, такой простой и привычный, почему-то пронзил меня до глубины души.

Я прошла на кухню, оставив Генри в зале. Руки дрожали, когда я ставила чайник и доставала кружки. Они звякнули, едва не выскользнув из пальцев, и я крепко сжала их, пытаюсь унять внутреннюю дрожь. Опершись обеими руками о столешницу, я уставилась в пустоту, а мысли метались, натываясь друг на друга, словно испуганные птицы в тесной клетке:

Родители, которые бросили нас и уехали. Смерть подруги, которая не отпускает меня ни на мгновение. Джейн, которая всегда была рядом, - и с каждым днём мне всё сильнее кажется, что я её подвожу, что не справляюсь ни с чем. А теперь ещё и это проклятое сообщение. И Генри, чьё присутствие заставляло меня чувствовать себя так странно - будто зем-

ля уходит из-под ног, но при этом я наконец-то начинаю дышать по-настоящему. Едва я подумала о нём, по спине разлилось тепло. Горячие руки мягко опустились на мои плечи, и от этого простого прикосновения всё внутри перевернулось. Меня это пугает и одновременно успокаивает. Противоречивые чувства сплетались в причудливый узор, от которого кружилась голова, а сердце то замирало, то билось в бешеном ритме.

Генри приблизился так тихо, что я ощутила его дыхание на своей шее прежде, чем услышала шаги. Его шёпот обжёг ухо:

- Ты дрожишь

Его руки медленно скользнули по моим плечам, будто изучая каждый изгиб, улавливая каждое биение пульса - так бережно, словно я была чем-то хрупким, что могло рассыпаться от неосторожного движения. Пальцы опустились к талии, и в этом тягучем, почти гипнотическом движении время словно замерло, подчиняясь ритму его прикосновений. Паника накрыла волной, холодной и острой, разрывая эту обманчивую тишину. Я резко повернулась к нему и тут же утонула в глубине его серых глаз - таких спокойных, таких непостижимых, будто в них отражались все тайны мира. Слова застряли в горле, а внутри всё сплелось в тугий узел: острые осколки страха переплелись со сладким, почти болезненным привкусом желания, от которого становилось одновременно и страшно, и невыносимо сладко.

- Мы. Это - голос дрогнул, рассыпаясь на несвязные обрывки, словно я пыталась собрать из них хоть какое-то объяснение. - Не так давно я пережила трагедию - смерть подруги Я до сих пор не могу её забыть. А сегодня ты. Я так не могу

Он приблизился ещё на шаг, сокращая и без того хрупкую дистанцию, будто не в силах держаться на расстоянии. Тёплая ладонь легла на мою щеку - нежно, бережно, словно пытаюсь унять эту внутреннюю бурю. А потом его пальцы коснулись моих губ, мягко, без напора, прерывая поток сбивчивых фраз, давая мне возможность просто выдохнуть. В уголках его глаз заплясали искорки - но не насмешки, нет, в них не было ни капли иронии. Только тепло и какое-то тихое понимание.

- Знаешь, как рождаются звёзды? - прошептал он, бережно взяв мою руку. Его палец медленно выводил спираль на моей ладони, словно запечатлевая тайный узор вселенной. - Иногда для взрыва, для рождения чего-то великого, достаточно одной секунды. Одного мгновения. Одного вдоха.

Он посмотрел на меня, наклонился совсем близко и коснулся губами моего виска - невесомо, едва уловимо. От этого лёгкого прикосновения по телу пробежала тысяча мурашек.

На секунду я прикрыла глаза, впитывая это ощущение, позволяя ему проникнуть в самые глубины души, раствориться в нём без остатка.

- Может, не будем думать о том, что будет завтра? - тихо спросил он, глядя мне в глаза. - Давай просто насладимся

сегодняшним вечером. Здесь. Сейчас.

В его словах звучала не просто просьба - это было предложение остановиться, выдохнуть, отпустить всё, что тяготило, и позволить себе быть. Просто быть.

Внезапно пронзительный вой чайника разорвал хрупкую тишину - словно резкая сирена, грубо возвращающая обратно в реальность. Я вздрогнула, будто очнувшись от глубокого сна, и поспешила к нему, чтобы снять чайник и разлить горячий чай, но тёплая рука Генри мягко, но уверенно остановила меня. Он прижал меня к столу - не настойчиво, не подавляюще, а так, будто хотел просто напомнить о своём присутствии, о том тёплом, надёжном ритме, который исходил от его тела. Я следила за каждым его движением, ловила малейший жест, словно пыталась запомнить эту картину навсегда. Его пальцы осторожно погрузились в мои волосы, слегка перебирая пряди, будто изучая их текстуру, запоминая каждый локон. А затем он наклонился, собираясь поцеловать

И в этот самый миг из соседней комнаты донеслись приглушённые стоны Джейн.

И вместо напряжения вдруг вспыхнул тихий, почти нервный смех. Я развернулась в сторону прохода и тихо рассмеялась, а Генри улыбнулся - широко, искренне, которая снимает любую неловкость. Прикусив губу, я опустила голову, пытаясь спрятаться, скрыться от его взгляда, чтобы он не увидел в моих глазах всю бурю эмоций - и желания, и смущения.

ния, и страха перед тем, как сильно меня к нему тянет. Генри усмехнулся - он явно всё понял. И с той редкой, драгоценной тактичностью, которую встретишь нечасто, он обхватил меня за талию и легко усадил на столешницу. Потом, взяв за подбородок, мягко заставил поднять взгляд - встретиться с ним глазами.

Он придвинулся ближе, взгляделся в мои глаза - и увидел в них то, что искал: не слова, а молчаливое согласие, признание того, что сопротивляться, этому притяжению больше нет сил. И тогда он сделал то, чего, возможно, я ждала со вчерашнего вечера. Это был мой первый настоящий поцелуй - с теми эмоциями, что хочется раствориться и наслаждаться до беспамятства. Тот, кто был до него, давал лишь лёгкую, почти равнодушную ласку - будто касался не меня, а чьей-то тени. А здесь. Здесь всё было иначе. Здесь хотелось раствориться и забыть обо всём на свете.

Я знала, Генри от силы сутки. Ситуация казалась невероятной, почти невозможной - словно жизнь вдруг свернула на незнакомую дорогу, уводя прочь от всего привычного. Но я не сопротивлялась. Что-то необъяснимое, мощное и живое тянуло меня к нему, словно невидимые нити сплетались между нами, стягивая всё ближе, вопреки разуму и осторожности. Генри действовал с удивительной грацией - одновременно настойчивой и бережной, будто знал, где грань, которую нельзя переступать, и всё же смело подходил к самому её краю. Его поцелуй был неопишуемым: нежным, и в то же

время страстным, как пламя, пожирающее сухую траву.

Его ладони скользили по моей талии, и от этого лёгкого, уверенного движения мир вокруг начинал кружиться. Голова шла кругом, а из самой глубины груди рвался приглушённый стон - не от страсти даже, а от того, как остро, до боли, я ощущала каждое мгновение. Даже сквозь поцелуй я чувствовала его улыбку - тихую, понимающую. Он чувствовал меня. Каждый вздох, каждую дрожь, пробежавшую по коже. Переполненная чувствами, я прижалась к нему, ощущая каждую линию его тела, каждое напряжение мышц - будто пыталась запомнить этот миг навсегда, выжечь его в памяти. И вдруг - остро, внезапно - осознала его возбуждение. Это стало искрой, прорезавшей туман наслаждения, вернув меня из сладкого забытья в реальность, где всё было слишком быстро, слишком сильно, слишком по-настоящему.

Инстинктивно я отстранилась, словно пытаюсь вернуть себе хоть каплю контроля, над этим мгновением, которое уже вышло за все привычные границы. Генри слегка отодвинулся, но не отпустил - нет, он не выпустил меня из объятий. Его взгляд, взволнованный и внимательный, скользнул по моему лицу, будто пытался прочесть каждую мысль, угадать каждый страх, спрятанный за опущенными ресницами.

- Всё в порядке? - тихо спросил он, осторожно касаясь моей щеки. Его пальцы были тёплыми, уверенными, но в голосе звучала тревога. Он смотрел мне в глаза, не позволяя спрятаться.

Я инстинктивно попыталась укрыться, спрятать взгляд, уйти от этой пронзительной внимательности, но он не позволил - мягко, но настойчиво удержал мой взгляд, не давая сбежать даже в собственную тень. В каждом его движении, в голосе, в пристальном взгляде, в самом присутствии была такая сила, что сопротивляться казалось бессмысленным. Отказ прозвучал бы не как решение, а как ложь - грубая, неуместная. Но и поддаться без оглядки я не могла. Внутри всё дрожало: страх, желание и неуверенность сплетались в тугой узел, от которого становилось тяжело дышать.

- Генри, это слишком быстро и - прошептала я, и голос сорвался, не сумев облечь в слова то, что бушевало внутри, - я просто не знаю, что делать.

Он не отвёл взгляда. Напротив - стал ещё внимательнее, словно впитывал каждое моё колебание, каждую тень сомнения, чтобы потом бережно её развеять.

- Грейси, я не настаиваю, - произнёс он твёрдо, но без тени холода, так, что в этих словах не было ни давления, ни упрёка. - Если ты не хочешь - всё закончится прямо сейчас, и я не сделаю ни шага дальше. Но это не значит, что я отступлю.

Его слова ударили в самое сердце. Мысль о том, что он может уйти сейчас, оставить меня одну в этой звенящей тишине, вызвала острый укол разочарования - такого сильного, что стало почти больно. Я не хотела этого. Совсем.

Глубоко вздохнув, я собрала всю смелость, что ещё оставалась во мне, и подняла глаза, встречая его взгляд без утай-

ки, без попыток спрятаться:

- Я не хочу, чтобы ты уходил Генри, я - опустив взгляд, я пыталась собрать разбегающиеся мысли в хоть скольконибудь стройный ряд. Слова давались тяжело, будто каждое приходилось выталкивать из себя сквозь невидимую преграду. - Я никогда не была с мужчиной, - наконец выговорила я и тут же прикусила губу, напряжённо вглядевшись в его лицо.

Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок в ожидании неизбежного: вот сейчас он отстранится, в глазах мелькнёт тень разочарования - и всё исчезнет. Эти прикосновения, этот взгляд, это тепло, которое уже успело стать почти родным, - всё растворится, как утренний туман под первыми лучами солнца. Но он не отстранился. Лишь на мгновение в его взгляде скользнула тень сомнения - не отторжения, нет, не презрения и не скуки, а скорее осторожного осмысления, словно он старался бережно уложить в голове это новое знание, не повредив ничего вокруг.

- Грейс, - мягко произнёс он, проводя рукой по моим волосам с такой невероятной нежностью, что внутри всё сжалось, а к горлу подкатил горячий ком. - Если ты не готова, прямо сейчас если захочешь меня оттолкнуть - я пойму. Мы просто посидим, выпьем чай, будем говорить о чём угодно - хоть о погоде, хоть о звёздах. Я не стану давить. Сделаю всё, что ты захочешь. Только скажи, чего ты действительно хочешь?

Его слова заставили меня поднять глаза и посмотреть пря-

мо в его лицо - и в этот момент я впервые попыталась честно ответить самой себе на этот вопрос. Его слова не успокаивали - напротив, они будоражили, вызывали смятение, потому что давали мне то, чего я боялась больше всего на свете: выбор. Абсолютную свободу решать, и вместе с ней - полную ответственность за это решение. Я не хотела прерывать этот момент. Мне нравилось быть с ним здесь и сейчас, ощущать его губы и руки на своей коже, чувствовать, как от каждого прикосновения по венам бежит огонь. Но я отчётливо понимала, чем может закончиться этот вечер, если он останется. И в то же время сознавала: если я оттолкну его сейчас, это может стать нашей последней встречей.

Одна часть меня кричала: *«Остановись! Ещё не поздно! Сделай шаг назад, пока не стало слишком поздно!»* Другая - тихо, но настойчиво шептала, умоляла: *«Не отпускай, не разрушай это хрупкое, едва родившееся чувство»*

Как часто в жизни я поступала *«правильно»*? И как часто эти *«правильные»* решения приносили мне хоть каплю счастья? В памяти промелькнули старые ошибки, упущенные возможности, горькие сожаления о словах, которые следовало сказать, но так и остались несказанными. Сколько раз я выбирала осторожность вместо смелости - и сколько раз потом жалела об этом?

В этот раз чувства оказались сильнее разума. Гораздо сильнее.

Я потянулась к нему - резко, отчаянно, будто падая в без-

дну и надеясь, что он меня поймает. Запустила руки в его мягкие волосы, словно стараясь удержать этот миг, не дать ему ускользнуть. Мои губы впились в его - жадно, искренне, без остатка. Он не растерялся. Его сильные, уверенные руки подхватили меня под бёдра, легко приподняли - и я вдру ощутила себя невесомой. Он понёс меня в мою комнату, и каждый его шаг отзывался в моём теле новой волной дрожи - то ли от волнения, то ли от предвкушения, то ли просто от того, что наконецто я позволила себе не думать, а просто чувствовать.

Поднявшись в мою комнату - в ту, что я сама ему указала, - Генри аккуратно опустил меня на постель. Не спеша, не грубо, а так, будто я была чемто невероятно хрупким и драгоценным. Он опустил голову сверху, и его губы впились в мои в страстном поцелуе, в котором сплетались нетерпение и нежность. Его шершавые ладони скользнули под мою рубашку, и от этого прикосновения по всему телу побежали мурашки - будто электрические разряды пробегали под кожей, зажигая внутри тихий, но неукротимый огонь.

На мгновение он оторвался от меня и выдохнул - и в этом прерывистом выдохе я уловила отголосок моего собственного разочарования, словно нам обоим было горько даже на секунду расставаться. Генри убрал руки с моего тела, и на миг мне показалось, будто тепло, что окутывало нас, начинает рассеиваться, растворяясь в прохладном воздухе комнаты. Но он лишь приподнялся - и медленно, нарочито неторопли-

во, словно давая мне время передумать, снять всё это, остановить, если нужно, - снял с себя рубашку. Мой взгляд сам потянулся к его телу - мощному, выточенному, дышащему скрытой силой, будто под кожей перекачивались не просто мышцы, а сама энергия. И тут я увидела то, что так хотела разглядеть ещё вчера: татуировку. Она начиналась у правой груди - словно исток таинственной реки - и текла дальше, обвивая правую руку, повторяя каждый изгиб мышц, каждый напряжённый контур, до самой кисти. Рисунок манил, обещая историю, которую я ещё не знала, но уже жаждала услышать, будто в этих линиях были зашифрованы все его тайны.

Приподнявшись, я протянула руку - осторожно, почти робко, - и легонько провела пальцами по контурам татуировки. От моего прикосновения он вздрогнул - заметно, резко, - но я почувствовала, как между нами пробежала новая искра, более острая, чем прежде, словно ток прошёл от его кожи к моей. Наши взгляды встретились. В его глазах не было ни тени сомнения - только твёрдая, спокойная уверенность, от которой внутри всё замирало, а потом начинало биться с новой силой. Он наклонился и снял с меня рубашку - медленно, бережно, будто разворачивал драгоценный подарок, к которому долго шёл и который боялся повредить.

Ещё раз, заглянув в мои глаза - словно спрашивая без слов: «Ты уверена?» - он поцеловал меня. Его губы были нежными. А потом он начал исследовать моё тело - неторопливо, трепетно, будто изучал карту неизведанной земли, где

каждая линия, каждый изгиб были важны и достойны внимания. Его губы скользили по коже, запоминая, лаская, пробуждая во мне ощущения, которых я никогда прежде не знала, - будто он открывал во мне что-то новое, то, что дремало до этого мгновения. Когда его губы достигли самого низа, внутри всё сжалось. Я не могла понять, что это - страх перед неизведанным, лёгкая нерешительность или просто ошеломляющая новизна всего происходящего, от которой кружилась голова. Ведь для меня это было впервые. Впервые так - по-настоящему. Впервые я позволяла себе чувствовать без оглядки, впервые доверяла настолько, что переставала бояться собственных эмоций.

Генри почувствовал, как моё тело едва заметно напряглось - лёгкая дрожь, мимолётная заминка, будто мир на секунду замер. Он приподнялся и мягко провёл рукой по моим волосам. В этом движении была такая нежность, что тревожные мысли начали таять, растворяться в тёплом полумраке комнаты. Его губы снова нашли мои - на этот раз в поцелуе, полном страсти и обещания: будто он хотел передать мне своё спокойствие. Я закрыла глаза, растворяясь в этом вихре ощущений, где не существовало ничего, кроме его дыхания, его тепла, этого странного, пьянящего чувства, что я наконец-то дома.

Он чуть отстранился, чтобы посмотреть на меня, и в его потемневших глазах я прочла ту же бурю, что бушевала во мне. Его дыхание было прерывистым, а взгляд - таким глубо-

ким, что казалось, он видит не только меня, а все мои страхи, надежды и мечты. Я потянулась к нему, запуталась пальцами в его волосах - мягких, чуть взъерошенных, - будто пытаюсь удержать этот момент, не дать ему ускользнуть. Он снова прижал меня к себе, и впился страстным поцелуем. А его рука, неуловимо лёгкая, проскользнула под джинсы, а после в трусики, и первое прикосновение к моему клитору заставило вздрогнуть всем телом. Стон вырвался непроизвольно - прямо в его губы, которыми он ловил каждый звук. Не колеблясь ни секунды, он проник в меня - сначала одним пальцем, затем двумя. Каждое движение отзывалось новой волной наслаждения, заставляло выгибаться навстречу его ладони. Он заглушал мои стоны поцелуем - глубоким, почти жадным, но в то же время бережно удерживающим меня на грани между реальностью и этим головокружительным ощущением. А мои пальцы, всё так же блуждали в его – мягких и податливых волосах, я слегка отдернула их, будто пытаюсь удержать момент, не дать ему ускользнуть. Он оторвался от моих губ, посмотрел на меня – потемневшими глазами и прерывистым дыханием. Его язык медленно скользнул по его нижней губе, и это простое движение заставило моё сердце замереть. Я прикусила свою губу - тщетная попытка сдержать стоны, которые становились всё громче, всё искреннее. Затем, не выдержав, притянула его за волосы и вновь впилась в его губы - отчаянно, жадно. Другая моя рука блуждала по его телу, изучая рельеф мышц, скользя по татуировке, будто читая тай-

ную историю, написанную на его коже. Каждое прикосновение усиливало ощущения - мои стоны становились всё пронзительнее, а вздохи - чаще, будто воздух вокруг нас сгущался, наполняясь электричеством. Двигаясь во мне всё стремительнее, он задавал ритм, от которого всё внутри сжималось в сладком предвкушении. Я выгнулась ему навстречу, отдаваясь этому потоку ощущений, словно волна, подхваченная неукротимым течением. Его низкое рычание, почти звериное, и нарастающий темп заставили меня закрыть глаза, погрузившись в океан чувств. Мы дышали тяжело, прерывисто, сбившиеся с привычного ритма. Я ощущала, как приближаюсь к кульминации, как каждая клеточка напрягается в ожидании взрыва. Но вдруг он замедлился - едва уловимое движение. Однако его пальцы продолжали ласкать меня, нежно, почти невесомо, растягивая мгновение, превращая его в бесконечность. Он расстегнул мой лифчик, и в тот же миг горячее дыхание коснулось моего соска. Меня пронзило, будто разрядом тока - остро, пронзительно, до дрожи в коленях. Не в силах сдержать порыв, я взяла в ладонь вторую грудь, ускоряя темп, теребя сосок, пока Генри ласкал другой - то нежно, то чуть настойчивее, играя с моими ощущениями. Стоны рвались наружу, но я сдерживала их, прикусив нижнюю губу до лёгкой боли - будто этот маленький дискомфорт мог уравновесить нарастающую бурю внутри. И вот - кульминация. Волна накрыла меня, разлетелась по телу ослепительными искрами, заставила замереть, а потом содрогнуть-

ся в судороге чистого, всепоглощающего наслаждения. Генри, все ещё нависая, надо мной медленно вытащил, руку из трусиков, провёл языком по пальцам, словно пробуя. А после лег, рядом улыбаясь мне сексуальной улыбкой.

Но, я не собиралась останавливаться. Не сейчас, когда внутри пылал огонь, требовавший продолжения, и подталкивающие к новым откровениям, и к тому, чтобы сбросить все маски и остаться настоящими. Мягко высвободившись из его объятий, я чуть отстранилась - и в этом движении была не холодность, а обещание. Генри приподнялся на локтях, не отрывая взгляда. В его глазах читалось смятение, смешанное с восхищением: он словно боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть этот миг, но каждое его дыхание выдавало, как внутри разгорается пламя.

Я потянулась к нему, и наши губы снова слились в поцелуе - жадном, глубоком. Но я не хотела застывать в этой точке: медленно отстранившись, скользнула взглядом по его лицу, по линии скул, по чуть приоткрытым губам - и начала свой путь вниз. Касаясь его кожи лёгкими поцелуями, я будто изучала карту. Сначала - крепкая грудь, под которой гулко и ровно билось сердце, словно отбивая ритм, которому хотелось подчиняться. Потом - татуировка: её загадочные линии под моими губами казались историей, которую я пыталась прочесть без слов. Я опускалась всё ниже, не спеша, смакуя каждую секунду, запоминая тепло его тела, то, как под кожей перекачиваются мышцы от каждого едва улови-

мого вдоха. Когда мои губы замерли у ремня его джинсов, время будто остановилось. Я подняла взгляд - и в его серо-голубых глазах увидела то, что искала: не просто желание, а целую бурю. Там полыхал дикий, необузданный огонь, больше не скрытый за маской сдержанности. В этом взгляде было всё: жажда, восхищение и тот самый немой вопрос: *«Ты, правда, этого хочешь?»*

Я ответила без слов - просто улыбнулась, и в этой улыбке было столько скрытого огня. В ней не было ни покорности, ни робкого согласия: только чистое, дерзкое «да», брошенное в лицо осторожности. Этой ночью я хотела стереть все границы, и он был тем, кто мог позволить мне это сделать. Это не был мой первый опыт, и я знала, как медленно разгорается желание: как оно сначала прячется в случайном касании, потом шепчет в паузах между словами, а потом вдруг обрушивается лавиной, сметая любые «нельзя». Но с Генри всё было иначе - не постепенное нарастание, а мгновенный разряд, будто мы коснулись оголённых проводов и оба почувствовали, как по коже пробежал ток. В нём не было суеты, не было торопливости: только спокойная уверенность человека, который знает цену каждому движению и не тратит ни одного впустую. И эта уверенность действовала на меня сильнее любых слов.

И я ответила без слов. Просто улыбнулась - едва заметно, но так, чтобы эта улыбка стала обещанием, которое нельзя отозвать. В ней было всё: и тихое признание, что этой но-

чью я хочу стереть любые границы между нами. Хочу исследовать его, дарить ему наслаждение, стать для него всем хотя бы на эту ночь. Это не был мой первый опыт, и я знала, как рождается желание: как оно сначала прячется в случайном касании, а потом вдруг обрушивается лавиной, сметая любые «осторожно». С бывшим «парнем» мы нередко предавались ласкам, изучали границы дозволенного - но дальше этого дело никогда не шло. Мы словно кружили вокруг огня, боясь подойти слишком близко, боясь обжечься. Потому я знала тонкости, способные пробудить желание, знала, где задержать дыхание, где замедлиться, где подтолкнуть чуть сильнее. Но с Генри всё ощущалось иначе. Я понимала: он не станет просто принимать ласку - он захочет участвовать, направлять, делиться тем, что приносит ему истинное наслаждение. В нём чувствовалась уверенность человека, который знает свои желания и не боится их проявлять, и эта уверенность действовала на меня как ток - пробирала до самых костей. Без лишних колебаний я сделала резкое, решительное движение. Расстегнула ремень, ширинку, стянула с него джинсы вместе с боксерами. Освободив его возбуждённое тело, на мгновение замерла, ощущая тепло его кожи под своими пальцами. Прикоснувшись к его твёрдому, пульсирующему от желания члену, я подняла взгляд. В его глазах ещё теплилась искра осознанности, но она уже заволакивалась пеленой нарастающего удовольствия, становилась мутной, горячей, настоящей. Он медленно закрыл глаза, глубо-

ко вздохнул и опустился на подушку, отдаваясь моменту. В этом движении читалась не слабость, а доверие - он позволял мне вести, но я чувствовала: это лишь прелюдия к тому, что последует дальше, к чему-то гораздо более глубокому и честному.

Сильнее обхватив его, я прикоснулась губами к головке - и в тот же миг из груди Генри вырвался низкий, сдавленный рык:

- Детка, Чёрт возьми - Я улыбнулась - едва заметно, но так, чтобы он почувствовал эту улыбку на своей коже. Кончиком языка нежно провела по чувствительной точке, и его дыхание тут же сбилось, стало тяжёлым, прерывистым, будто каждый вдох давался с усилием. Не стала мучить его ожиданием. Плавным движением погрузила головку в рот, позволяя языку скользить по ней - ласково, почти невесомо, то вперёд, то назад. С его губ сорвался стон - глухой, глубокий, от которого по моему телу пробежала дрожь. Я не отрывала взгляда от его лица, ловила каждую тень удовольствия, пробегающую по чертам. Его позвоночник выгнулся, мышцы напряглись, а всё тело содрогалось в ритме моих движений - и это было лучшим подтверждением, что я на верном пути. Продолжая ласкать его губами и языком, я постепенно углубляла контакт - скользила вниз, насколько позволяла возможность, втягивала щёки, создавая мягкое давление, а затем медленно поднималась к самой вершине, чтобы вновь опуститься, добавляя к движениям руку.

- Ммм Грейс, детка, не останавливайся, - простонал он, и в его голосе звучала не просто просьба - это было признание, восхищение.

Одной рукой он погрузил пальцы в мои волосы - не сжимая, но уверенно, словно искал точку опоры в этом вихре ощущений, будто только так мог удержать себя на краю. Генри, начал раскачиваться, постепенно погружаясь в мой рот: сначала медленно, почти осторожно, будто проверяя границы, а затем - всё быстрее, поддаваясь нарастающей волне. В этом касании не было грубости - только потребность чувствовать меня.

А затем ритм менялся: становился быстрее, смелее, подчиняясь нарастающей волне, которая уже не спрашивала разрешения, а просто захватывала, уносила за собой. В его движении чувствовалась борьба: между желанием взять всё и страхом потерять контроль. Когда до кульминации оставался лишь миг, он попытался отстраниться. Но я не позволила. Лишь подняла взгляд, встретила с ним глазами - и в этом молчании сказала больше, чем могли бы выразить любые слова. Мои глаза ясно дали понять: я готова принять его целиком, без остатка, не прячась и не отворачиваясь.

Он содрогнулся - сильно, всем телом, будто через него прошла волна, которую невозможно сдержать. Его дыхание стало прерывистым, рваным, как у человека, который только что пересёк невидимую черту и теперь не знал, как вернуться назад — да и не хотел. И в следующий миг волна насла-

ждения накрыла его. Я отстранилась, нашла на полу скомканную ткань и аккуратно вытерла губы. Подняла на него глаза - и улыбнулась. Не вызывающе, не кокетливо, а так, как улыбаются человеку, с которым только что разделили нечто по-настоящему сокровенное, то, что нельзя рассказать, но можно только прожить вместе.

Генри медленно провёл пальцами по моим губам - ласково, почти невесомо, будто хотел запомнить этот контур, сохранить его в памяти. А после притянул меня ближе, прижался губами к моим губам - нежно, благодарно, без прежней страсти, но с куда более глубоким чувством.

Когда его дыхание, наконец, выровнялось, он обнял меня - крепко, так, что я почувствовала, как уходит напряжение из его плеч, как тело, наконец, сдаётся усталости. Поцеловал в шею - легко, едва ощутимо, словно ставил невидимую метку, говорящую: «ты моя». И так, переплетённые в объятиях, согретые теплом друг друга, мы уснули - оба довольные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.